

A fantastical landscape at night. In the foreground, a stone path leads to a wooden bridge over a river. In the background, a glowing, spire-like tower stands on a mountain peak. A meteor streaks across the sky, and a full moon is visible in the upper right corner. The scene is set against a starry night sky.

Приключения в Аквезаре

Роберт Каусс

Посвящаю всем непонятым паладинам

Роберт Кауцс

Приключения в Аквезаре

Рассказ II

Rīga, 2026

Приключения в Аквезаре. Рассказ I. Спасители невинной.

Автор: Роберт Каусс

Редактор: Роберт Каусс

Иллюстрации сгенерированы при помощи ИИ

Рассказ приключенческого фэнтези с аспектами D&D, где героев ждут испытания, радости, напряжение и отдых. Рассказы, где традиции и древность противостоят неизведанным изменениям самого бытия Аквезара. Многие вещи будут решаться волей случая и умопомрачительным рандомом.

Весьма необычная по происхождению команда, казалось, просто делает свою работу. Но каждый преследует свои цели или убегает от непростого прошлого, в поисках нового и лучшего. Отважные путники, которые просто стараются наладить жизнь и обустроить свое будущее, сталкиваются с испытаниями, что делают их крепче. Однако команда даже не подозревает, что где-то в Аквезаре тлеет прошлое, по праху которого пройдет неизведанное всем будущее.

ISBN: 978-9934-9376-5-1

© Roberts Kaščejevs

Все права защищены. Любое копирование данной книги, как и любой её части – запрещены. Запрещено воспроизведение любой части книги, как и самой книги без письменного разрешения обладателя авторских прав.

E-mail: roberts.kauss.ele@gmail.com

Instagram: Roberts_Kauss

Telegram: Roberts_Kauss

18+

Приключение второе

Обреченный зверь

С недавних пор главная торговая гильдия, буквально монополист во всем Аквезаре, под названием: Пантари, наконец открыла филиалы и магазины в самых захолустных государствах мира. Помимо торговли, Пантари предлагает услуги перевозчиков и курьеров.

Новые караваны Пантари постепенно стали появляться на дорогах государств, куда недавно объявилась гильдия. Дела идут прекрасно. Дело растет и приносит прибыль. Многие при работе. Однако проблемой в новых краях стала острая нехватка охранников караванов. У гильдии, грубо говоря, есть собственная, по сути, армия. Десятки тысяч охранников постоянно стерегут склады и магазины, а также защищают караваны, как сухопутные, так и морские.

На новых же землях желающих вступить в Пантари не много. К тому же потребуется время на их обучение. Тем не менее охранять караваны надо. Поэтому немногочисленные отряды охранников укрепляются обычными наемниками.

К небольшому каравану, который шел по захолустным землям маленького людского королевства, примкнул весьма необычный отряд. Даже пантарийцы, повидавшее немало на всем Аквезаре, удивились: сколь разнообразна была эта группа.

Стражники каравана даже старались сочинить анекдоты: про тифлинга, змеерожденную, гервена и северную эльфийку. Но выбирать не приходилось. Пантари отчаянно нуждалась в живой силе.

Караван двигался через бесконечный сосновый лес. Эти края были обыкновенными: леса, луга, озера, да и только. Путешествие здесь было не столько опасным, сколько до смерти скучным. Уже третий день караван двигался без происшествий и препятствий. Почти все пантарийские караваны редко подвергались нападению, ведь не было в мире силы, желающей перейти дорогу гильдии.

Однако от этих мест невольно ждешь угрозы: будь то шайка разбойников или обезумевшие звери, ведомые темными чарами. Двадцать повозок, охранялись всего тридцатью пантарийскими стражниками: пятнадцать людей, пять драконорожденных и десять полуорков. Плюс четыре наемника, каких только удалось сыскать в этих всеми забытых краях.

Руководил охраной и по совместительству был начальником каравана странный человек по имени Тобс. Когда он поведал наемникам свою историю: все стало ясно. Его внешний вид полностью отражал судьбу. Серо-белая повязка через левый глаз, отсутствие одного верхнего центрального зуба и трех правых нижних, неухоженная щетина, татуировки на руках, шее и ногах, лохматые грязные волосы. Караванщик,

оказывается, отсидел десять лет за убийство, которое не совершал. Хотя поступок от части благородный.

У Тобса была семья. Когда он был в браке уже восемь лет, то завел себе любовницу, у которой тоже была семья. Через время муж любовницы прознал правду, и она случайно его убила. А Тобс взвалил всю вину на себя, заявляя правоохранителям, что он убийца. Тогда он был благородным, но зона сломала его личность, и он превратился в обычного быдлана, живущего по понятиям. Как он оказался на важной должности в Пантари – непонятно.

– Слышь, паладин, ептыть, – обратился к Ульрику Тобс и плюнул в сторону, – ты чо-то смыслишь во снах?

– Я не гадалка и не колдунья. Я больше по религиозной части, сударь. – Воспитанно отвечал рыцарь.

– Ептыть, – караванщик стукнул себя по ноге, – хер ли ты все на «Вы», да «сударь»?

– Простите, я не хотел...

– Короче! Во снах разбираешься? – Тобс достал сигарету и, поморщившись, стал искать спички. Но не нашел, тогда крикнул Каю, идущему рядом. – Слышь, рогатый, дай я об тебя закурю!

Тифлинг недовольно посмотрел на караванщика.

– Хер ли рожу корчишь?! Ну я тя по-человечески прошу!

– Ugnavaera. – Сказала Агнерель и поднесла указательный палец левой руки, который горел, как свеча, к сигарете Тобса.

– Опа, ништяк... – караванщик прикурил и с пыхтением сказал: – спасибо, чикса.

– Я не мастер разбора снов, извините. Я больше по религиозной части и борьбе с темными силами. – Смирненно говорил Ульрик.

– Ептыть, знаешь, кто темные силы? – недовольно пробурчал Тобс и затыкнулся.

Рыцарь покачал головой.

– Бабы! – утвердительно заявил Тобс. – Сначала вы трахаетесь, потом все...

– Сссслышшшшшь! – зашипела Салерса с наездом на Тобса. – Я отрежу тебе твою побрякушку и пихну прямо в рот, не боясь, что тут кругом твои! Иди занимайся другими делами.

С любой другой караванщик охотно бы поспорил. Но жизненный опыт на работе показал, что с кассаритянками лучше не связываться. Поэтому Тобс просто фыркнул и ушел во главу каравана.

– Он, конечно, ублюдок. Но зачем же так грубить? – упрекнул Ульрик.

– Тебя не спрашивали, святоша. – Огрызнулась Салерса.

Тогда паладин просто отошел проведать Золотана. Кай отлучился за напарником.

– Меня терзают сомнения, что прошедшей ночью всем снился странный сон. – Задумалась Агнерель.

– Тебе тоже? – удивилась лучница.

– Нет. Поскольку я эльфийка. А вот, судя по разговорам всех стражников, всем вам – смертным, что-то приснилось. И вопрос Тобса только это подтверждает. – Агнерель с интересом посмотрела на напарницу. – Что видела ты?

– Я бы даже не сказала, что я спала. Сколько был отбой? Часов... шесть?! Вот все это время, я дремала в какой-то реальности. – Салерса едва подбирала слова. Она просто не могла прийти в себя от странности сновидения. – Я все это время была в полном сознании и торчала бес поймаи где. Я была чисто караульной... стояла на одном месте и все.

– Что же это за место?

– Я стояла на каменной дорожке. Это было ночью. Слева в небе была та самая комета. Но она не летела... она горела, повиснув на месте. Справа в одном положении застыла луна. Дорожка шла вдоль обрыва, в котором было бурное течение, берущее начало из водопада с небольшой вершины поблизости. Через пропасть шел деревянный дуговой мост. Я вот сейчас вспоминаю... оно кажется таким реальным... я всю ночь правда там стояла!

– Ты видела куда ведет дорожка?

– Да. Она уходила вдаль. Там вдали слева стояли заснеженные скалы, справа хвойные вершины. А между ними... был какой-то столп с огоньками. Я бы сказала, что это башня...

– Ты сказала башня?! – Агнерель чуть не схватила напарницу.

– Ну... да... хотя она выглядела необитаемой... просто постройка из камня с огоньками. Так больше ничем непримечательная.

Познания эльфийки в области истории были высокими. Она тут же вспомнила, что согласно древним летописям, появление этой странной башни является посылом свыше. При чем выше самого Изгниса – Бога Небесных Покровителей.

– Никто тебе ничего не говорил?

– Хммм... – погрузилась в глубокие мысли Салерса. – Да... в один совершенно случайный момент чей-то мужской голос... кстати, обалдеть насколько приятный, сказал мне что-то по типу: «Стерпи испытания и защиты мою ошибку, куда я не явлюсь». О какой ошибке речь – я не поняла, как и того: кто это был. Почему высшие силы говорят загадками?

– Это очень важный и знаменательный сон. Не буду спешить с выводами, что на тебя возложено нечто очень важное и знаменательное, однако это серьезный знак. Я пока не буду делать поспешных выводов, дай мне, пожалуйста, время проанализировать. Вечером обсудим это, когда я помозгую. – Агнерель заметно озадачилась, а Салерса с согласием кивнула. – На данный момент я могу только смело сказать, что с тобой связались с Астрального Королевства.

– Что?! – шокировалась Салерса. – Кто-то из астральных эльфов? Не может быть!

– Согласно преданиям, которые я читала... эта башня означает... минутку... и комета была?

– Да. – Охотница покосилась на эльфийку, которая, казалось, взорвется от мыслей. Она была на пороге некоего открытия.

– Простите, дамы, – вмешался Ульрик, – я ненароком подслушал ваш разговор. Я бы не стал перебивать, однако я должен отметить, что мне снился подобный сон... только не всю ночь.

– Немыслимо! – восторгалась Агнерель. – А что еще тебе снилось?

– Воспоминание. Но оно не было мутным, как бывает во снах. Оно пронеслось с такой точностью, как если бы я пережил это еще раз.

– Расскажешь, пожалуйста? – восторженно попросила Агнерель.

Салерса фыркнула и закатила глаза. Только Ульрик собрался ответить, как из-за леса стали выходить бандиты. Они перегородили путь, но не окружали, потому что их было не сильно больше – максимум человек на двадцать. Вперед вышел бородатый мужчина с саблей в руке и недоброжелательно заговорил:

– Мы воины великого Хана! Платите дань, чтобы пройти!

Вперед подался Тобс. Захрипел, набирая слюну, и харкнул в сторону преградивших путь. Поправил штаны и грубил в ответ:

– Вы долбаебы!

– Ой... теперь драки не избежать. – Шепнул Ульрику Кай и достал ножи.

– На этом континенте нет ни одного ханства. – Утверждал Тобс. – К тому же ни один Хан в Аквезаре не позволит своим воинам, которые должны нести силу и власть, одеваться так, как это сделали вы, отморозки конченные!

Разбойники действительно были в изорванных, грязных одеждах: как типичные дорожные бандиты, уж точно не воины хана.

– Ты чо такой борзый? М, урод?! – хамил предводитель разбойников. Тон его был совсем недружелюбным.

Охрана каравана взяла оружие на изготовку. Все замерли в полной готовности сражаться.

– Слышь, ептыть, – снова харкнул Тобс. – Пошли нахер с дороги!

– Теперь я понимаю: почему уголовного назначили караванщиком в эти места. – Умозаключила Агнерель, терпя неприличную речь.

– Ты не понял, одноглазый фраер! Проход тут платный! Выбирай чем платить: жизнью, деньгами или товаром!

– Это ты не понял, говна кусок! – Тобс опять харкнул. – Это караван Пантари. Если не уйдете нахер, выбирайте, что будете сосать: мою жопу...

Но Тобс не закончил. Где-то неподалеку – в глубине леса, раздался страшный вой непонятого существа. Разбойники быстрее чем через секунду сменили настрой: с боевого на испуг и побежали всей толпой от воя. Караван замер. Все стали осматриваться во все стороны – даже в небо.

– Что это было, мать его? – спросил один из полуорков.

– Я... я не знаю... – дрожал извозчик на одной из повозок.

– А ну не ссать! Тихо! – пресекая панику, громко забурчал Тобс. – Двигаемся дальше! Мы – караван Пантари. Какому-то лосю-медведю нас не запугать. Кто обоссется – останется лежать тут.

С жутким напряжением караван двинулся дальше.

– Кто тут может обитать? – задался вопросом Кай.

– Самые обычные животные. Дракон тут не бывает... да это и не вой дракона вовсе. – С отличным знанием природы отвечал Ульрик.

– Тогда... что это? – спросила Салерса. Она тоже самую малость поддалась испугу. Внешне она этого не продемонстрировала, но внутри заволновалась.

– Понятия не имею. И надеюсь, что нам не придется узнать. – рассудил Ульрик.

После воя атмосфера кардинально изменилась. День был самым обычным, как и все прежние: простое движение вдоль леса. Но теперь все обратили внимание, что в этой глуши не было пения птиц или иных шорохов. Вскоре стало понятно, что цвет хвои на соснах и елях неестественно-зеленый. Однако если бы это была скверна, паладин легко бы ее учуял. Местность сама по себе была отмирающей. И только будучи погруженными в жуткий страх удалось заметить, что летнее солнце ничуть не нагревало воздух. Прохлада была естественной.

Стало жутковато. Но пантарийский караван ничуть не поддался напряжению. Пантари всегда и вообще везде выполняла работу. За пятьсот лет существования гильдии было свыше двухсот миллионов караванов разных масштабов. Абсолютная монополия и десятки тысяч выгодных договоров сделали Пантари могучей организацией по всему Аквезару. Гильдия обладала финансовой мощностью сильнее любой сверхдержавы, сильной армией, впрочем, слабее гервенской, кассарской или тифлингской; но куда страшнее был факт знание всего обо всех: Пантари имеют записи и архивы вплоть до каждого проданного мешка зерна – гильдия знает о мире куда больше, чем Небесные Покровители. Поэтому рычание неизвестного зверя в лесу – это просто смех, ведь Пантари не раз приходилось пускать караваны аж через самую бездну – где обитают Проклятые Божества.

Движение продолжилось. Наемники негодовали о караванщике, хотя сами пантарийцы были не в восторге от такого руководителя. При своем наглom поведении он все равно казался надежным.

– Ты, кажется, хотел рассказать про сон. – Напомнила Ульрику Агнерель и мило улыбнулась. Ямочки губок даже показались не настолько холодными.

– Ах, да, точно. Ну я, пожалуй, не буду рассказывать все. Это будет долго и не совсем интересно слушать всем. Если тебе будет интересно, я тебе позже расскажу все подробности. – Ульрик заметно погружался в странное состояние. Его голос оставался прежним: бодрым; однако угрюмое смятение овладевало им. – Если коротко: в Грифонвальде случилась беда.

Озаренные¹ Ровестриара Мрачного Гласа похитили внучку нашего Канцлера, убив при этом ее жениха. По личному распоряжению Кайзера был собран отряд паладинов, чтобы девочку вызволить. Я был одним из сотни, и мы ринулись в бездну.

– Как вы туда попали? Это почти невозможно! – перебил Кай и с подозрением огляделся на напарника.

– Озаренные оставили портал открытым. Это явно была ловушка, но нашу честь и долг это не волновало.

– Подожди. – Остановила Салерса, которая с трудом вспомнила: о ком шла речь. – Ровестриар Мрачный Глас – он же первым из Небесных пал и стал первым Божеством, которое Прокляли. Он же самый сильный и могущественный из них... вы настолько тупые, что всего сотней бросились в его обитель? – она язвительно презирала опрометчивость гервенов.

– Ты можешь называть нас тупыми и как угодно, Салерса, – спокойно отвечал Ульрик. – Не пойми меня неправильно и прости, если оскорблю: но тебе просто этого не понять. Мы давали священную клятву – мы не можем вот так просто сказать: «Ну... ничего не попишешь!» Опрометчиво или нет – девочку забрало само зло, еще и внучку Канцлера. Что нам оставалось?

Змеерожденная отвернулась, не желая показывать, что согласна.

– Прошу, продолжай. – Любезно обратилась Агнерель.

Ульрик прочистил горло, вздохнул и начал рассказ.

«После суровой стычки с озаренными, разрубив последнего, Ульрик понял, что отбился от отряда. Оставшись совершенно один, отважный рыцарь стал бродить в поисках внучки Канцлера. Ульрику тогда было всего двадцать лет, поэтому он сильно побаивался этого места. Чертоги Проклятого выглядели устрашающе. Очень высокие стены и потолки, с которых свисал окровавленный плющ. Стены были из потускневшего в серый кварца – он уже больше походил на плохо обработанный камень. Стены местами были измазаны кровью. На полу всюду был снег. По центру была протоптанная довольно широкая тропинка, вдоль которой лежали кости и скелеты самых разных существ и зверей. Ближе к стенам снег лежал огромными нетронутыми сугробами.

Ульрик шел по этому коридору шириной метров двадцать и высотой метров сорок – потолок едва виднелся во мраке. Было почти темно, как в зимний затянутый тучами серый день – прямо как перед заходом солнца. Паладина охватил стальной холод, это был не кусающий мороз, а холодок, прямо как в усыпальнице, только в разы неприятнее. В этом месте смерть дышала прямо в лицо каждому гостю. В этой обители зрели тысячи планов разрушения семей, уничтожения любви, сеяния раздора среди любящих. Мрачный Глас был главным злодеем, лишаящим всех счастья и единства.

Каждый паладин не просто мечтал, но и давал клятву: уничтожить Проклятого, если таковая возможность выпадет. Ульрик не был исключением, он готовился к

---

¹ Озаренными называли падших ангелов, которые последовали за падшими Богами после раскола Небесного Пантеона.

столкновению со злодеем. И вот рыцарь заметил ворота. Они были распахнуты, а перед ними лежало здоровенное, гниущее тело дракона. Но от него не веяло смрадом. Холод поглощал любые запахи: ничего нельзя было здесь учуять, кроме железного привкуса крови.

Ульрик прошел мимо дракона, изумляясь размерам существа. Никогда прежде паладин не видел дракона. Могучий зверь был больше фрегата, и даже мертвым выглядел мощным и несокрушимым.

Герой вошел в зал. Тут не было ни стен, ни потолка. Они скрылись во мраке темноты. Это была либо арена, либо бальный зал. Ульрик понял, что пространство огромное. Все было усеяно скелетами, ржавыми доспехами и оружием на снегу. Холодок мурашками пробежал по коже гервена.

– Отважный смертный. – Подался величественно-зловещий голос. Он громом эха загремел на всю округу. – Признаюсь: ты меня впечатлил. Из смертных никто прежде не добирался сюда живым или неподчиненным, или пленным.

– Покажитесь! – Боевито, но с уважением, потребовал Ульрик. Пусть он знал суть зла и ненавидел его, относился к этому ужасному существу с неким уважением. Ульрик скорее воспитанно относился к старшему.

Из мрака с мертвой кровавой лозой вышло существо. Оно было высотой метров пять. Мускулистое с крепким телосложением. Было понятно, что однажды его кожа блестела белым светом; сейчас же потускневшая кожа была усеяна разных размеров шрамами, выглядящих как вскрытая, но не кровоточащая, рана. За спиной были во весь рост крылья; они также утратили белый цвет, обретя серовато-багровый оттенок. Длинные волосы были не белыми, а скорее седыми. Глаза были сплошь белыми, а под ними застыли подтеки кровавых слез. Существо должно было вызвать страх, но пробуждало внутри сожаление. Сожаление?! Проклятый Бог выглядел не злодеем, а натерпевшейся жертвой несчастья.

– Я не боюсь Вас! – едва выдавил из себя молодой рыцарь.

– Не лги мне! – прогремел Ровестриар. Он отличался от остальных Проклятых тем, что не относился к смертным пренебрежительно. Проклятый осознавал, что человек ему не угроза, но при этом недооценивал.

– Хорошо! Ведаете Вы об эмоциях, рвущих меня внутри. От Вас не скрыть моей смертной сути. Но не помешает мне страх сжать меч крепче, дабы низвергнуть Вас!

– Самонадеянный болван! Тысячи до тебя пытались. Предложил бы я тебе взглянуть вокруг на их останки; только вот всех я стер из бытия – смотреть не на что! – скелеты, которые лежали вокруг, исчезли – они были иллюзией.

– Я давал клятву и исполню! – твердо объявил гервен и вынул меч из ножен, принимая боевую стойку. – Не я – так другой! Злу не быть вечным, посему падете Вы!

– Пощади бы свою молодую жизнь, смертный! – пророкотал Проклятый Бог.

Паладин на это ответил храбрым молчанием и полной готовностью драться.

– Я принимаю твою ошибку! – ураганным смехом разразился Ровестриар. – Пред тем, как я сотру тебя в кровавый пепел, человек, знай, что клятва твоя лжива! Мир

смертных не достоин твоего геройства. Смертные сами рушат свои жизни и судьбы, а я лишь смакую каждое убийство, каждое расставание, каждое скорбное горе, каждую беду в гневе или печали! Ты слеп, раз не видишь, что защищаешь на самом деле: властолюбие, похоть и разврат, алчность! Все пороки и грехи ты и тебе подобные приписываете мне и рабам моим, но вы заблуждаетесь, когда среди вас кипит зло, которое ты клялся уничтожить. Настоящих чувств уже давно нет! Любовь мертва! Преданность предана! Дружба обесценена!

Ульрик внимательно слушал. В его голове вспыхнул конфликт. В чем-то Проклятый был прав. Но ведь он был виноват во всем. Ровестриар продолжал со злобой:

– Но куда страшнее для вас и любимее для меня: любовь! – Голос его разразился ненавистной жадной убивать. Голос утонул в кровожадности и вонял духом смерти. – Она так слепит вас всех! И сколько удовольствия я получаю, когда обман дает измену! Когда муж теряет жену! Или жена теряет мужа! Эта зависимость друг от друга так услаждает меня, как молодые студентки богача! – Проклятый сделал акцент на этом сравнении, пытаясь донести суть разврата этого мира до Ульрика. – Все так охотно поддаются тому, что называют любовью. В кровавом гневе я пылаю, когда пара признается друг другу в этом проклятом чувстве; но зато я широко пирую, когда же наступает час расставания и разлуки!

Нет во всем Аквезаре ничего слаще, чем ссоры. Вчера они в обнимку засыпали, а сегодня пожирают друг друга из-за мелочи! А если доходит до рукоприкладства – это моя мечта, от которой обретаю я радость! Потому что настоящих чувств больше нет! Все это оперетка для достижения лишь сластолюбивых порывов! И нет в том моей вины! Смертные сами выкопали себе яму, упрятав ее под ковром искренности, ступив на который падаешь! – Проклятый вроде злорадствовал. Но было еще что-то.

Паладин поморщился. Он не понимал: почему Проклятый все это ему говорит. Его слова от части предсказуемы: ведь чего еще можно ждать от того, кто расколол Небесный Пантеон. Однако рыцарь не прерывал этого откровения и слушал дальше. Он что-то стал понимать.

– Только вдумайся, паладин, тебя любила та, о которой ты мечтал. Но она оказалась не той, как ты полагал в мечтаниях. Она оказалась меркантильной, требовательной дорогих подарков, которые ты устал дарить. Ни ты, ни твои средства – уже не в силах услаждать честолюбие и эго этой дамы. А ведь ты так любишь ее. И она вроде отвечает тем же. Но она просто выкачивает из тебя все, а когда выкачает до последней капли – найдет другого. И вот твоя боль... ммм-mmm... твоя боль это мое счастье! Ты и представить не можешь: каким ликованием я извергаюсь от чьих-то измен.

Знай же, человек, что не с моего посыла творится то, чему я восторгаюсь. Вы смертные сами совершаете эти деяния, убивая и разрушая друг друга этим отвратным, мерзким и самым фальшивым чувством. Я лишь вкушаю последствия. Горе. Плач. Самоубийства. Скорбь. Любовь – лучшая приманка, чтобы посеять горе и породить убивающую боль. На деле оно ничего не стоит. Все эти улыбки – занавес сцены разбитых сердец!

Ульрик кое-что понял. Его осенило. Он никогда бы не подумал, что у Проклятого мотив может быть не из чистой ненависти. В его словах вроде и рокотало удовольствие, но будто бы промелькивала боль. Словно он стал таким из-за чего-то, хотя раньше был славным малым, который просто хотел счастья. И, видимо, его довела до этого боль, связанная с любовью, которая прервалась чем-то, что он только что описал.

– Как ее звали? – отважился перебить паладин.

В миг Ровестриар переменялся. Его злоба исчезла. Его ненависть испарилась. Он опешил. Это казалось невыносимо: повелитель Проклятых Божеств выглядел разбитым и побежденным. В одно мгновение он утратил свой злобный настрой и показался несчастным и брошенным. Простым существом с болью. Ульрик расширил глаза, ибо понял: Ровестриару причинили боль, и он не победил своих страданий, которые довели его до этой мстительности всем, кто обретает счастье.

– Убирайся прочь! – крикнул Проклятый, когда самую малость пришел в себя.

Ульрик увидел кровавую слезу, бежащую по щеке. Это был не недуг, а настоящая слеза. Через пару мгновений из другого глаза скатилось еще две слезы. Ульрик стоял на месте. Он не сразил Проклятого, но все же победил его. Ровестриар снова опечалился, словно забыл о присутствии паладина. Боль внутри отвлекла его.

Падшее создание пыталось вспомнить имя. В глазах пытался воспроизвестись образ. Но лишь дымный силуэт. Невнятное шептание. Разные имена всех подряд летали по языку, но не было нужного, словно связкой из сотен ключей пытался подобрать правильный к замку. Ульрик увидел горе в этом несчастном создании. Рыцарь даже проникся сочувствием. Прощения ему не было, но его все равно было жаль.

– Послушайте, – начал рыцарь, – Вам не нужно быть тем, кем стали более. У всех есть шанс на прощение, на новую попытку – на второй шанс. Разве Она была рада видеть Вас таким?

– ЗАМОЛЧИ!!! – Взревел Проклятый и ударил кулаком по стене, которая скрывалась во мраке темноты. Удар был сильным, ведь руку разбило и разломало в уродливые куски, а стена рассыпалась в песчинки. – УБИРАЙСЯ!!! – Ровестриар взмахнул целой рукой.

За Ульриком открылся портал. Затем неведомая сила сдула храброго гервена прямо в тот портал. И рыцарь очутился на улице Грифонвальда».

После рассказа Ульрика все замолчали. Его также слышали почти все пантарицы. Легко было бы уличить паладина во вранье – рассказ казался нелепой выдумкой. Но рыцарь уже доказал, что никогда и ни за что не стал бы врать, поскольку это не по чести. Хотелось или нет, но в каждое слово приходилось верить. Тобс тоже это слышал. Его быдло образ куда-то испарился. Караванщик серьезно заговорил:

– Если это правда... то каково на самом деле нам, если даже Небесный не справился...

Никто не знал истинных мотивов падения Ровестриара. Но после этой истории что-то прояснялось – история Проклятых обретала иной характер. «А что, если все они

просто те, кого не понял мир, или кому не удалось наладить жизнь в радости. Они просто отдались злу, ибо оно их приняло, а добро нет».

В караване зависла скорбная тишина. Даже Салерса, презирующая сентиментальность и, по сути, не знающая: что такое настоящая любовь, помалкивала в раздумьях.

– А что стало с остальным отрядом и девочкой? – спросил один из стражников.

– Он убил всех остальных паладинов в гневе. Я виню теперь во всем себя. – Очень тяжело произнес Ульрик. В его голосе прямо слышалась совесть, карающая себя, будто всех паладинов рыцарь зарубил лично в хладном порыве ненависти. – Я вывел его из равновесия.

– А девочка? – спросил другой стражник.

– Ее он вернул. Она осталась такой, какой была: веселой, доброй, милой. Но позже выяснилось: Ровестриар обесплодил ее. Но она не унывает. Она посвятила себя помощи сироткам. Она пример для многих: ведь поставила Проклятому шах и мат, не боясь навлечь его гнев. Но мне кажется, что после нашего разговора он перестал быть собой. Не знаю... я так чувствую. – Ульрик немного озарился добрым настроением.

– Есть над чем поразмыслить. – Коротко сказала Агнерель. Она чем-то была недовольна. Она не ожидала услышать того, что услышала.

Все древние догматы, все принятые трактаты, все существующие учения – встали под вопросом. Возник даже не вопрос, а претензия покровителю Небесного Пантеона – Изгнису, за что же на самом деле он проклял Ровестриара, который не всегда был Мрачным Гласом, отроду он был Счастливым Ликом.

– Ладно, хватит разводить пургу. У всех будет повод не спать ночью. А теперь к делу. – Прервал всех Тобс. – Мы почти прибыли.

Караван вышел из поворота и перед ним простиралась столица мелкого захолустного Королевства Дагрекс – Нью-Старфорд. Городок был типичным для этих мест – архитектура узнаваема. На дороге было пусто, что только подтверждало заброшенность этих земель. Хотя это и была столица с населением более сотни тысяч человек, все казалось немым. Обычно почти от любой столицы или крупного города доносится гул суеты и звуки работы гильдейских цехов. Но было тихо. Только шорохи волн речки, приливающих к берегу, доносились до ушей каравана. Совсем редко щебетали ласточки, летающие очень низко.

– Очень хорошо. – Заговорила Салерса, обращаясь к Тобсу с толикой враждебности. – Мы тут подумали, что твоя уродская компания нам неприятна. Поэтому, как только зайдём в город, расстанемся, ладно?

– Без проблем, змейка. – Закуривая оповестил караванщик.

– Деньги можешь заплатить уже прямо сейчас. – Потребовала лучница.

– Держи. – Тобс зажал папироску зубами и вынул довольно увесистый мешок с деньгами из своей телеги.

– Вот так просто? – удивилась Салерса. – Я даже готовилась, что с тобой, уродом, придется спорить. – Девушка изумилась, что с ними поступают так честно.

– Хочешь посремся?! – предложил Тобс.

– Нет, не надо. – Встряла Агнерель.

Салерса закатила глаза: ей оборвали забаву. Она демонстративно начала пересчитывать серебряные и золотые монеты.

– Там ровно, змейка. – Заворчал Тобс. – Пантари ведет дела честно и чисто. Не мне тебе рассказывать о безупречной репутации.

– Да. Тут не поспоришь. – Отметил Кай.

– Что ж... – вступил в разговор Ульрик. – Не могу сказать, что особо был рад Вашей компании. Тем не менее спасибо за сотрудничество. Надеюсь, еще доведется работать с Пантари, но уже без Вас. – Паладин с неловкостью улыбнулся.

Тобс только усмехнулся и харкнул в сторону. Некоторые члены охраны с завистью посмотрели на наемников: мол, что можно так легко избавиться от Тобса. Караван вошел в город, и наемники покинули пантарийцев. Отряд решил отправиться в одну местных таверн, чтобы перекусить.

Улицы города были малолюдными. Округа на удивления была убрана, хотя не было видно ни одного дворника. Характерных для крупного города звуков также не было. Совершенно все из команды привыкли слышать звон кузнечного молота или работу мехов, суетливый шумок, скрип телег – но было еще тише, чем в лесу. Можно было бы помыслить о проклятье или, в крайнем случае, о такой традиции: в определенное время что-то похожее на отбой. Не исключался и комендантский час.

Однако все было куда проще; многие жители не выходили чисто из страха. Из-за опасений о каком-то чудовище, на существование которого указывали развешанные плакаты с предостережениями, город в каком-то смысле вымер. Никого не волновало, как это скажется на социальной и экономической сфере. Прежде всего все тряслись за свои шкуры.

– Что будем делать? – начал рассуждать Кай. – В этом месте пахнет полным отсутствием подходящих для нас работ.

– В противном случае просто уйдем. – Просто ответил Ульрик от чего тифлинг нахмурился и огорченно вздохнул.

– Согласна. – Поддержала Салерса. – Лучше потратить несколько дней в поисках работы, чем тащиться обратно с этим... – она презрительно зашипела, – Тобсом.

– Простите! Извините! Уважаемые! – восклицал кто-то позади.

Все обернулись и увидели оруженосца, спешившего их нагнать. Обычный белобрысый парень был одет в белый гамбезон и красные стеганные штаны. На поясе был небольшой кинжальчик – к мечу молодого человека явно не допускали. Команда дождалась, пока оруженосец запыхавшись добежит. Парень подбежал, остановился и, не переведя дух, от чего чуточку посинел, принялся говорить:

– Мой повелитель желает нанять наемников для важного дела. Он рассчитывал найти их в караване Пантари. Там мне сообщили, что я могу обратиться к вам. Если вас заинтересует работа в наших краях – мой лорд будет счастлив принять вас! – оруженосцу заметно не хватало воздуха, но он справился со своей речью и стал громко дышать.

– Оплата достойная? – предприимчиво сразу перешла к делу Салерса.

Ульрик закатил глаза.

– Разумеется, уважаемая леди. – Все еще с трудом дыша, ответил парень.

– Не называй меня леди! – огрызнулась змеерожденная. Она бы добавила язвительное оскорбление, но не стала, чтобы не спугнуть работу.

– Как я могу тогда к Вам обращаться? – ошеломился оруженосец.

– Я подумую. – Из Салерсы инстинктом прорезалось ее царственное доминирование.

Агнерель поняла, что ее напарница вот-вот начнет смаковать робкого юношу, как богач смакует говяжьих ребрышки в соусе.

– Кто твой лорд? – спросила эльфийка и подошла ближе, задрала голову – тем самым демонстрируя Салерсе собственную царственность.

Лучница смирив пыл, завистливо принимая превосходство волшебницы.

– Лорд Артур Гвельферстон, моя леди. Он троюродный племянник нашего славного Короля Уильяма Роуза. Мой лорд управляет этим городом и ему требуется помощь в защите поселения и его окрестностей.

Последние слова, как булавкой, тыкнули паладина. Он чуть было не отодвинул эльфийку – в последний момент отвел руку в другую сторону, и сказал с воодушевлением:

– Отлично! Мы с радостью откликнемся на этот призыв. – Затем Ульрик заметил жгучее недовольство Салерсы и поправил себя. – Вернее... кхм... мы не против поработать...

– За достойную плату. – Закончила Салерса, понимая, что рыцаря вот-вот «стошнит». Она на секунду пригрозила напарнику своим дребезжащим языком.

Кай молча наблюдал за всем этим. Он понимал, что его вмешательство не требуется. К тому же он договорился с Салерсой делить поровну долю Ульрика, поэтому можно было вообще не переживать.

Оруженосец поблагодарил и предложил проследовать за ним к карете, что ждала в двух кварталах. Наемники согласились. По пути они разузнали побольше об обстановке в городе. Опасения подтвердились: жители просто боялись, что в город проникнет страшный зверь, орудующий на дорогах. Оруженосец не знал наверняка, но нетрудно было догадаться: какую работу предложил лорд Артур. В остальном, ничего толкового Агнерель не смогла выпытать из оруженосца. Он слабо был осведомлен о положении Нью-Старфорда, а про слухи и события во дворце помалкивал.

Вскоре карета прибыла во дворец, который высился в центре города. Укрепление правителя казалось суровым надзирателем, бдящим за всем населенным пунктом. Суровым ликом крепостные стены и башни дворцового замка, как туча, висели над столицей.

Оказавшись во внутреннем дворе, наемники ничуть не удивились: все было каким-то сумбурным и было в шаге от хаоса. Причиной тому была не паника, а обыкновенная безалаберность управления. Взгляд на стражников вызывал

откровенный стыд. Салерса, Агнерель, Кай и Ульрик росли в державах со строгой и высокой воинской дисциплиной, где стража и караульные являлись лицом и гордостью армии. Видеть защитников крепости было, мягко говоря, больно до насмешливых слез. Они стояли опираясь на свои алебарды, кто-то прислонился к стенкам, некоторые ковыряли в носу или топтались на месте, явно скучая. Зрелище было самым тошнотворным и жалким. Возможно, серьезности этому не придавали из-за никчемности земель этого королевства. Просто никому не надо было завоевывать эти земли, а оркам или гоблинам грабить почти нечего – вот и содержать хорошее войско не имеет смысла. К тому же знания истории подсказали героям, что местные воители скорее нужны для подавления бунтов, нежели обороны границ.

Группа далее проследовала за оруженосцем. Коридоры были чистыми и качественно построенными. Богатством это место совсем не пахло. В Нью-Старфорде, как и всем королевстве, просто нечем было гордиться – все было простым, однообразно бедным. Даже власть выглядела нищей – настолько нечего было взять с населения.

Впрочем, стоило отдать должное чистоплотности местных. Ульрик даже самую малость восхищался скромностью этого места. Он бы хотел жить в таком имении – где о тебе не подумают, как о зажавшемся богаче. Салерса спросила Кая:

– Ничего не напоминает? – и кивнула головой на фреску на потолке развилки коридоров с лестницами.

Тифлинг задрал голову и увидел интересную картину. Группа тифлингов, среди которых явно был какой-то древний правитель, передавала здоровенный, размером с руку, золотой ключ группе бедных людей.

– Увы. Не припоминаю. – Кай долго напрягал свои знания истории. Но, что поделать, если по двадцатибальной системе был всего троечником.

– Зато я знаю. – Вмешалась Агнерель. – Мой отец был там – в тот день, когда я еще была новорожденной малюткой. – Эльфийка хвастливо поправила волосы. Она гордилась естественным бессмертием; это всегда забавляло ее гордыню в отношении смертных. – Конунг тифлингов Магерезерс XIV передает ключ от города под названием Гормантбарг местным людям, которые своим трудом заслужили перенять от тифлингов это поселение.

– Не припомню такого города. – Говорил Ульрик, который в идеале знал географию.

– Не удивлена. – Весело улыбнулась Агнерель. – Девятьсот тридцать шесть лет назад Лесные и Высшие эльфы при поддержке Царства Литаксии и наемников из Гervении стерли город до основания, засеяв там ивовую рощу.

– Причина? – с претензией поинтересовался паладин.

– Тогдашний правитель по имени Лютый Мартир предал клятвы Небесных и собирался превратить весь город в портал для выхода Проклятых из бездны. Мартир обезумел, связавшись с Ровестриаром. Мартир стал издавать сумасшедшие законы, вплоть до запрета каких-либо любовных отношений и иной близости. Влияние Ровестриара сожрало глупого человека. Он стал тираном и терроризировал свой народ.

На удивление его поддерживало не мало воинов, которых нарекли: «Армией Неудачников». Чтобы не допустить прихода Проклятых Божеств в Аквезар, был создан союз, который уничтожил Мартира и его сторонников. Город пришлось уничтожить, поскольку его насквозь прожрала скверна.

– А мирное население?

– Его там не осталось. Мартир истребил всех здравомыслящих и населил Гормантбарг единомышленниками.

– Порой я думаю... кто страшнее людей в этом мире? – задумался Кай. – Без обид. Ульрик с согласием промолчал.

– Да, – злорадно вовлекалась в разговор Салерса, – люди – главная зараза Аквезара! Я бы истребила сперва их.

Рыцарь встревоженно взглянул на спутницу. И ужаснулся. Но не от кровожадности. Ее глаза впервые не выглядели жаждущими убивать. Змеиная природа на миг куда-то делась. Ульрик так перепугался непривычного взгляда змеерожденной, что вынужденно протер глаза; но после снова узрел желание убивать. «Рептилия».

– Будь тут Хавьер... – заговорил Кай.

– Я бы врезала ему по яйцам, если бы он стал возражать! – со смехом объявила Салерса. – Я так рада, что ему понадобилось отлучиться.

– Он обещал отыскать нас. – Напомнила Агнерель.

– Пфф, – фыркнула лучница. – Флаг в руки!

Наконец оруженосец подвел гостей к залу правителя. Большие двери, но не ворота, деревянные с металлической отделкой, охранялись всего одним стражником. Ульрик не постеснялся спросить: где второй. На что получил забавный ответ, что второй стражник ушел в туалет, мол «что тут такого?». Стражник был невозмутим. Он даже не удостоился открыть двери. Оруженосец сам их с трудом распахнул.

Команда вошла внутрь. Тут было чуточку побогаче. Каменные колонны рассекались серебряной резьбой. Платиновые люстры со свечами украшались бриллиантами. Дотошная внимательность Салерсы позволила понять: бриллианты были подделками. На этом отличительное от всех остальных помещений богатство заканчивалось.

В зале было пусто, от чего звучало разящее эхо. Стены и пол сохраняли характерный для всей столицы коричневый цвет, потолок отличался фресками, которые ни о чем не говорили. Посреди зала стоял накрытый стол. Угощений было вдоволь, хотя выглядели они совершенно несъедобными. Трудно было представить: что это за государство, где даже власть настолько ущербна.

Тем не менее по центру за столом сидел тучный молодой мужчина с кудрявой шевелюрой. Пуговицы его красно-черного дублета едва держали напор огромного живота. Лицо было бритым и прожорливым. Из-за толстенных щек так и хотелось сказать: что это не лицо, а харя. Очевидно, это был лорд. В сторонке пять знатных мужей и четыре дамы глумились над шутком, который, судя по его действиям, кажется,

высмеивал рыб. Рыб? По крайней мере так выглядело. Внутри вообще не было ни одного стражника. А прислуга слишком своевольно слонялась без дела.

– Не представляю, что нас ждет. – Полная готовности к любым непредсказуемостям шепнула Салерса.

Оруженосец огласил, что явилась группа наемников, рекомендованная караванщиком Пантари. Отряд уважительно поклонился и стал дожидаться приглашения присесть. Но лорд просто жадно поедая куриные крылышки, оглаживая кости и облизывая пальцы. Эхо максимально отчетливо откликнулось чавканьем толстяка.

Салерса терпеть это не стала. Ее обуяло желание тыкнуть лорда острием в пузо и посмотреть: как он будет сдуваться, подобно шарикю. Можно было подумать, что змеерожденная просто невоспитанная нахалка – но этикет в Кассаре значительно отличался от любого иного, посему девушка не посчитала свои следующие действия странными. Она подошла к ближайшему от Артура стулу, подвинула его, недовольно прошипела и села с простым вопросом:

– Что Вам надо, лорд?

Ульрик стоял обескураженный. Агнерель это позабавило. Кай оставался хладным. Слуги вытаращились на наглую гостью. Забавляющаяся знать прервала свое занятие и ахнула.

– Первый раз, – жуя, проговорил правитель города, – вижу такую... – он откусил еще кусок курицы, продолжая чавкать, – невоспитанность и хамство.

Агнерель хотела было вмешаться, чтобы разрядить обстановку, но едва эльфийка шелохнулась, как с запугиванием заговорила Салерса:

– Ну извините, – максимально неискренне произнесла она, – лорд, я просто не местная. Ваш мальчишка сказал, мол для нас имеется работенка. Мы охотно возьмемся за нее.

Салерсе не надо было говорить определенные слова, чтобы запугать, она своим видом и голосом могла это сделать, даже если бы желала счастья кому-то в поздравлении. Артур отложил кусок курицы. Утер пальцы и рот. Затем левой рукой прикрыл отрыжку, пока второй указывал остальным присесть за стол. Когда команда уселась, хозяин дворца жестом предложил гостям угощение.

Агнерель поморщилась – еда выглядела непривлекательно. Но Кай и Ульрик охотно стали брать овощи, корзиночки с сырным салатом, а также куски вяленого мяса и копченой колбасы. Салерса же стала поедать апельсин, который вынула из своего вещкристалла.

– Работенка значит, – начал лорд, – пыленькая, но простенькая. Значится... недавно у нас в лесах, может слышали, завелся какой-то страшный зверь. – Артур стал чуть-чуть задыхаться. Ему не хватало воздуха говорить. Обжорство мешало. – Чудовище грабит мои караваны и пугает местных – от чего они не работают, а прячутся. – На лбе лорда еле заметно проступил пот. – Плачу на всю команду восемь платиновых монет за убийство. – Он выдохнул и утер рукавом лоб. Затем смахнул пальцами пот из-под глаз.

Команда переглянулась. Салерса требовательно отреагировала:

– Двенадцать!

– Грабеж! – отозвался лорд. – Эта тварь разоряет все мои караваны с налогами с земель. У меня туговато стало с деньгами. Давайте так: десять и все, что найдете в логове этой твари, забирайте себе.

Лучница вопросительно посмотрела на напарников и напарницу. Все молча дали согласие.

– По рукам! – протянула свою зеленую ладонь Салерса.

– Только не тащите мне сюда его голову! – пожимая руку, попросил Артур.

– А как мы докажем тогда, что выполнили задание? – совестливо спросил Ульрик.

Салерса недовольно цокнула, одаривая паладина раздраженным взглядом. Лорд задумался.

– А ведь и вправду. – И почесал себе затылок.

– Давай ты будешь честным, когда дело касается одного тебя, а не всех нас. – Шепнул Ульрику Кай.

– Можете притащить голову этой твари, но не оставляйте – заберите ее потом. Ладно?! – лорд утер лоб и вздохнул.

– Вполне приемлемо. Вы так щедры на компромисс! – Очаровательно улыбнулась Агнерель.

Салерса в полном недоумении обернулась на напарницу, стараясь вникнуть в суть этой тупой лести. Эльфийка с забавой пожала плечами. Артур горделиво выпрямил спину, всем видом стараясь показать: как он гениален. Лучница отвела голову в сторону, чтобы не засмеяться, Кай и Агнерель с трудом беспечно улыбнулись. Только Ульрик не менял своего дружелюбия и уважения, но не к персоне, а чисто из соображений воспитанности.

– Рич, проводи их! – Артур показал пальцем левой руки на гостей, а правой подзывал к себе того оруженосца.

Когда наемники выходили, лорд на них даже не глянул, он вернулся к своей чревоугодной трапезе, а его окружение продолжило забаву с шутком.

– Я тебя не осуждаю за твои принципы, но засунь их себе поглубже! – Огрызнулась в коридоре на Ульрика Салерса и пискнула по-змеиному.

– То есть ты бы его обманула?! – Разочарованно парировал паладин.

– Нет! Мне важна моя репутация, я бы сделала все честно и гладко. Но меня просто бесит вот эта излишняя хренотень с правильностью!

– Я тебя услышал. – Спокойно отвечал Ульрик. – Впредь буду осторожнее со словами и поступками, чтобы не задеть тебя.

Рыцарь говорил так дружелюбно и так по-доброму, что это еще больше взбесило Салерсу. Она любила конфликтовать, даже если знает, что не переспорит. А компаньон не то, что сглатывал все провокации, он так радушно реагировал на них – это гневило девушку.

– Как мы отыщем в огромном лесу этого зверя? – задумался Кай.

– Думаешь он нас сам не отыщет? – рассуждала Агнерель. – Держу пари, он вечно голоден – мы сами станем ему приманкой. Следовательно он выйдет на нас.

– А если нет? – пессимистично заметил паладин.

– Уверена, – вступила в разговор Салерса, не унимая неодобрения в сторону Ульрика, – следы будет легко отыскать. К тому же мы его слышали – он наверняка ушел недалеко, ведь ближе к городу – больше добычи. Он ошивается в окрестностях. – Змеерожденная взглянула на волшебницу и, бросая вызов, улыбнулась. – Держу пари зверь сам себя выдаст прежде, чем отыщет нас.

– Резонно, – соглашаясь, кивал тифлинг, – тем не менее, я предлагаю заскочить в местную таверну. Поспросить там местных, вдруг имеются интересные наблюдения.

– Поддерживаю. – Оповестил Ульрик.

На этом команда решила походить по тавернам. Слухи были очень полезным оружием для любого охотника. А подпольные разговоры были совершенно недооцененным орудием.

Команда шла по пустым улицам. Агнерель приходилось удерживать Лартайю. Пантера чуюла где-то запах жаренных колбасок, виляя хвостом, снежная хищница принюхивалась и пыталась сорваться от хозяйки. В попытке удержать кошку, которая слишком сильно рвалась на аромат, эльфийка увидела сидящего в тени киоска мальчика-разносчика газет. На главном заголовке было хорошо знакомое волшебнице изображение.

Немного покопавшись в памяти и знаниях истории, Агнерель с трудом признала символ. Изображенный розовый щит с белым фениксом по центру являлся гербом Королевства Атлар. Агнерель отпустила Лартайю, чему последняя удивилась и перестала тянуться к запаху, оставшись при хозяйке. Команда притормозила и с интересом оглянулась на напарницу. Последняя сообщила, что ей нужно купить газету. Мальчик дал цену в десять медных монет. Девушка заплатила целую серебряную монету.

Быстро заполучив газету, Агнерель принялась читать. Команда в недоумении выжидала и не отвлекала. Быстро пробежавшись по нескольким строкам, эльфийка шокировано оторвалась от чтения и с трудом промолвила:

– Не может быть... – одной рукой она схватилась за голову и стала сжимать свои ледяные волосы. Они зашуршали, как снег, сжимаемый ладонью.

– В чем дело? – обеспокоился Ульрик.

Кай отвернулся. Он не хотел, чтобы остальные видели выраженное осознание какой-то неудачи на его лице. Салерса приковалась взглядом к подруге.

«Эльфы Королевства Атлар, – с дрожащими руками зачитывала вслух Агнерель, – покинули Рубежную Туманность и с оружием выступили в поход вдоль Ладездейского озера».

По лицам друзей Агнерель быстро поняла, что как бы они не копались в своей памяти: Атлар им ничего не говорил. Тогда ей пришлось объяснять.

– Эльфы Атлар, или атлары – это, по сути, самые старшие из нашего народа – там же величайшие военные стратеги и руководители, деятели культуры. Они

единственные, кто успешнее всех отстоял свои земли от налетов смертных. Двести лет безустанно атлары вели войну, пока их маги не нашли выход. Все приграничные территории королевства поглотил густой непроходимый туман. Все, кто заходил туда – не возвращались. Какие бы армии ни входили внутрь – обратного пути у них уже не было. Это защитное заклинание висит уже семь тысяч лет. Я боюсь представить: что стряслось, чтобы атлары вдруг отменили заклинание... еще и вышли наружу, хотя успешно укрывались так долго. – На лице Агнерель проступил ужас.

Глядя на нее, можно было смело заявить: началась катастрофа. Трудно было сделать выводы, но всем стало не по себе. У рыцаря даже пробежали мурашки. Все активнее посещала мысль, что медленно начинался конец света. Гоблины перестали быть гоблинами, они словно обрели цивилизацию. Атлары вышли из укрытия. Что дальше?

– Ладзейское озеро? – уточнил Кай. На кивание Агнерель он дополнил: – Они пойдут прямо через Жечвяну.

– Надо будет туда наведаться. Тут недалеко. – Заявила Агнерель.

Все согласились и продолжили путь. Вскоре команда дошла до ближайшей таверны. Название скорее не зазывало, а, наоборот, отвращало. «Кабанья услуга», – прочитал вслух Ульрик надпись на всеящей деревянной табличке. Это вызвало не столько опасливость, сколько повышенную предосторожность у всей команды.

Снаружи здание казалось самым обычным – каменная стена с деревянной отделкой, окна были только на втором этаже, первый был замурован. Зайдя внутрь, наемники не удивились, когда не услышали типичного для любой таверны шума. Ни звона кружек и посуды, ни гула разговоров и смеха, ни шуршания постоянных движений и рукоплесканий. Помещение казалось очень просторным, видимо, из-за пустоты. Стены из половин бревен были темными, деревянный пол слишком истерзанным, из такого же материала потолок и столбики от пола к потолку смутно освещались множеством масляных ламп.

У барной стойки был всего один посетитель. Нетрудно было предположить, что все заведения в городе окажутся примерно такими. Герои уже могли начинать строить планы на поиски методом следопыта. Однако по предложению Ульрика было решено раз пришли, то хотя бы тут попытаться.

Отряд подошел к барной стойке. Никого, кто мог бы обслужить, не было. Зато сидел один единственный посетитель. Видок у него был утомленный – он явно беспроблемно пил несколько часов, может даже сутки. «Кхм!» – нарочно поперхнулся Кай, пытаясь призвать кого-то. Только посетитель поблизости с отрыжкой дернулся. «Есть кто?» – громко произнес паладин. Наконец к посетителям вышла женщина. Она едва не запуталась в шторке, выполняющей роль двери между кухней и залом. У женщины были выраженные синяки под глазами от недосыпа, легкое и просторное черное с белым платье не скрывало заметной любви к еде. А передник был завязан на самом крайнем узелке. В черных волосах была мука.

– Драсьте. – Будто делая одолжение, отвесила тавернщица. – Из питья только пиво и бальзам, – она облокотилась левой руки на столик с кружками, говоря с легким недовольством, – на обед могу предложить свиные купаты с морковным салатом, огурцами и капустой. За щедрую доплату могу сухари испечь с чесноком.

– Мы подумаем. – Любезно ответил Ульрик.

Женщина пожала плечами и ушла обратно.

– Ты прикалываешься?! – прорычала Салерса.

– Я не думал, что она уйдет. – Виновато опустил глаза рыцарь. – Прости.

– Мнится мне... толку все равно никакого – она немногословна. – Заметил Кай.

– Тогда пошли. Не станем терять времени! – Призывающе предложила Агнерель и сделала шаг к выходу.

– Подождите, – уверенным голосом проговорил Ульрик. Он засуетился, словно пытался исправить свою оплошность. Рыцарь потыкал дремлющего посетителя и обратился к нему: – Любезный! Простите...

Мужчина пришел в себя и обернулся на будящего. Неухоженная щетина покрывала щеки, подбородок и рот. На лбу был шрам. Полные опьянения голубые глаза вопросительно моргали в сторону Ульрика.

– Вы знаете что-нибудь о звере, обитающем в окрестностях города?

Мужчина мгновенно протрезвел и ответил:

– Знаю... знаю все. Но на сухой рот не смогу рассказать. – Он изобразил звуки умирания от жажды протяжным приглушенным шипением.

Едва Ульрик собрался позвать тавернщицу, как Салерса все сделала быстрее. Она перепрыгнула через стойку, схватила бутылку с бальзамом на одной из полок бара и поставила перед посетителем. Рыцарь и лучница обменялись взглядами. На мгновение повисла крайне неудобная пауза, пока мужчина лакал из бутылки с громкими звуками глотания. Мужчина выпил, потер подбородок и выдохнул, наполнив пространство вокруг себя страшной вонью перегара. Наемники были полны внимания и готовились слушать. Но посетитель забылся. Агнерель напомнила ему:

– И так?

– Ах да... – стукнул он себя по лбу, – значит зверь. Это непростая история, готовьтесь к драме и сущей несправедливости!

Салерса закатила глаза от разведенной лирики. Агнерель смерила мужчину призывающим к действию взглядом. Он этого не заметил. Кай положил руку на плечо говорящего и попросил:

– Можно только без лишних отступлений и моно-полемики!

– Да-да... я так и собирался. – Вякнул мужчина. – Кстати, зовите меня Грег. – И он выпил еще немного.

– Так, хорошо, Грег, пожалуйста, не тяните с рассказом. – Попросил Ульрик.

Грег наигранно прочистил горло и заговорил своим прокуренным голосом: «Чуть более года назад в наших краях поселился один друид-врачеватель. Звали его Ольгерд. Он бежал от какой-то очередной войны вместе с семьей. И вот он поселился недалеко

от Нью-Старфорда. Вскоре выяснилось, что у него был божественный дар целительства. Ольгерд вылечивал от любой хвори, даже смертельную лихорадку... да что уж там... он мог даже вернуть отнятую или парализованную конечность. Не мог только отрастить новую или воскресить.

Был он очень добрым и помогал всем. Со всего города и окрестных поселений к нему приходили люди. Таким образом местные лекари остались по факту без работы и хлеба – с чем обратились к нашему лорду. Тот велел Ольгерду прекратить свою колдовскую ересь. На что друид отвечал, мол не откажет нуждающимся. А коли другим лекарям тяжело, то они могут прийти к нему на подмогу. Но такая благотворительность не нравилась никому. – Грег отпил еще бальзама, с горечью занюхнул рукав одежды. – Тогда по приказу лорда началась расправа.

Солдаты пришли домой к Ольгерду, я был одним из них... но, клянусь, ничего дурного не делал. После произошедшего я покинул службу и вот сижу спиваюсь. Так вот наш отряд убил всю семью Ольгерда с противной издевкой: мол попробуй излечи теперь их. Это было ужасно. Не все посланные солдаты были так грубы, но среди нас хватило отморожков.

Ольгерд сбежал. Мы думали он струсил. Но позже выяснили, что наметил он месть. Было это шесть месяцев назад. Спустя примерно неделю после нашего преступления наши караваны начали грабить. Охране почти никто не вредил, только самые ярые стражники отделялись легкими ранениями. А все содержимое караванов уничтожалось. Даже собранные монеты с налогов сгорали в каком-то волшебном огне... по крайней мере, так утверждали стражники караванов.

Но вот два месяца назад сюда в город стали доноситься страшные крики какого-то чудовища. А все караваны и обозы, при чем вообще все – без разбора, начали изничтожаться полностью. Раньше стража оставалась целой и нападения были только на налоговые. Теперь вот уже два месяца охрана разорвана в клочья, а содержимое изничтожено. Нет ни одного свидетеля, но принято думать, что это Ольгерд ошалел.

Группы охотников или целые отряды солдат, посланные на поиски чудовища, также не возвратились».

Грег замолчал и стеклянным взглядом поглядел на бутылку бальзама. Наемники молчали. Не все было так однозначно. Первым заговорил Ульрик:

– Мы спасем его!

– Ты меня не понял, паладин, – озадаченно реагировал Грег, – его надо убить. Он представляет опасность.

– Нет, однажды добрый и чистый душой никогда не будет поглощен злом полностью. Я клянусь: в чудовище еще дышит настоящий Ольгерд. И я намерен исцелить его.

Салерса очередной раз собралась выразить недовольство, но впервые рыцарь отреагировал.

– Молчи! – слегка повышенным тоном произнес он и указал пальцем на змею.

Все опешили. Ульрик прежде не говорил так ни разу. Противиться ему даже стало страшно, к тому же это было обречено, как таракан на ровной поверхности против сапога. Салерса промолчала, затаив змеиную злобу.

– Спасибо за предысторию, – поблагодарила Агнерель. – Однако не подскажите: как в итоге найти этого Ольгерда.

– Вы безумцы или самоубийцы? – изумился Грег и отпил еще бальзама.

– Мы хотим... вернее, я хочу ему помочь. – Известил паладин.

– Нет. На сей раз мы! – Агнерель произнесла это гордо и улыбнулась рыцарю.

Салерса закатила глаза и не в силах удерживаться вышла из таверны. Кай тоже не любил такое и проследовал за охотницей.

– Ну так что? Есть мысли? – повторилась эльфийка.

– Простите, добрые люди, – тут Грег запнулся, глядя на явно не человеческие уши волшебницы. Но решил себя не поправлять. Он едва двигал языком и не стал тратить силы. – Ничем тут не помогу.

– Большое спасибо, дорогой Грег. Мы сделаем все, что в наших силах! – Сказал Ульрик, и они с Агнерель тоже ушли.

Салерса просто горела изнутри: как она хотела начать полемику. Но не смела. И дело было не только в том, что рыцарь ее как следует припугнул. Змеерожденная все же понимала, что положение неоднозначное. Возможно, исцелить чудовище будет проще, чем сразить. Соединившись, группа отправилась из города – навстречу ужасному зверю.

Покинув город, наемники свернули с дороги в лес при первой возможности. Теперь было ясно почему стояла такая глухомань: все замерло в страхе перед чудовищем. Ни единого шороха, совсем никакого звука – насекомые, звери, птицы – все спрятались. Ветер не дул – он боялся этого места. А вместо тишины воздух охватила тревога. Наемники так и ощущали, что с каждым вдохом они вдыхали не воздух, а панику.

Отряд немного углубился в лес, перейдя в чащу. Ощущения были нелегкими; а зрелище унылым и жалким. В этой местности когда-то обитали здоровенные, размером с коня, пауки. Сейчас же их паутина намертво простиралась меж деревьев. Установить причину исчезновения этих больших насекомых было очень просто. Но куда страшнее была «мертвость» этой части леса. Если возле дороги еще было ощущение, что находишься в лесу – то в этой чаще его не было. Какие-либо запахи исчезли; казалось, даже воздуха тут нет, он даже не спертый или застоявшийся – его просто нет. Зато все, особенно паладин, четко ощущали захватившую все кругом скверну Ровестриара Мрачного Гласа. Это было неудивительно: кто как не он явился к убитому горем человеку, потерявшему возможность любить. Вдруг Кай наступил на сухую ветку – она сломалась. Но все ахнули в неподдельном страхе. Ветка сломалась без единого звука – совсем никакого треска. Подумалось всем, что даже мертвые ветки просто боятся шуметь, чтобы не навлечь беду. С каждым шагом становилось более жутко. Однако ни у кого не возникло мысли повернуть назад. Вскоре отряд вышел на тропинку.

В беспросветной туманной дымке, переглянувшись, наемники пошли дальше.

– Если я скажу, что тут жутко: я не преувеличу? – напряженно промолвила Агнерель и оглянулась на Лартайю. Кошка была напугана не меньше и ступала совсем аккуратно, словно пряталась.

– Это преуменьшение. Я вот думаю: может нам уйти? – говорил Кай. Он был из тех, кто был готов к естественной смерти, но боялся быть убитым – еще и разорванным чудовищем в клочья.

Салерса тоже боялась, но старалась не показывать вида, чтобы не опозориться в глазах рыцаря. Лучница долгие годы жила в джунглях, где обитают динозавры – к ним она привыкла, однако это привыкание не создало бесстрашия в отношении чудовищ.

– А ты, Ульрик, что ощущаешь? – спросила Салерса. Впервые без отвращения, с которым всегда общалась с паладином.

На мгновение гервен даже не понял, кто к нему обращается.

– Я был в обители самого Проклятого. – Без единой капли страха отвечал Ульрик. И даже при наилучшей проницательности, было ясно, что он действительно не боится. – Не подумайте, что хвастаюсь, но меня уже ничего не напугает... вернее, ничего подобного. Салерса, ты боишься?

– Я?! – переспросила охотница. Она заметно начала притворяться. – Ничуть.

– В этом нет ничего постыдного, просто...

– Я сказала! Я не боюсь! – с оскалом повторила Салерса, но сразу после глотнула ком тревоги в горле.

И в этот самый момент недалеко раздался рычащий вопль. Все вздрогнули, кроме Ульрика. Золотан стал учащенно фыркать и брыкаться, не слушаясь успокоений хозяина. Лартайя нырнула за дерево. Салерса выхватила лук, поддаваясь инстинкту самосохранения. Откуда зверь издавал свой звук было неясно. Безумным эхо рычание понеслось среди ветвей и листьев. Вновь повисла тревожная тишина. Зверь либо отрывался от преследования, хотя его никто пока не преследовал, либо, наоборот, вышел на запах жертв.

Наемники переглянулись, кое-как успокоились и успокоили питомцев, затем отправились дальше по тропинке, беззвучно хлюпая по грязным лужицам. Каждому казалось, что он оглох – ведь не было слышно, как грязная вода расплескивается из-под обуви; а звук просто обязан был донестись до ушей.

– Я вот о чем думаю, – начал Ульрик и посмотрел на Агнерель, – зачем атларам понадобилось вернуться? Зачем они выступили?

– У меня есть парочка предположений. – Ответила волшебница. – Я хотела поговорить с вами об этом после охоты. Но, возможно, сейчас более подходящий момент – надо как-то отвлечься.

– Резонно. – Озадаченно согласился Кай.

– Сперва я хотела бы понять, что вы думаете об этом? – начала дискуссию Агнерель, задумчиво оглядывая напарников и напарницу.

– Полагаю, – заговорила Салерса, – со мной бесспорно согласятся все: дело в комете. – Она попыталась напрячь свои знания истории, но не вышло. Тогда обратилась

к скромным знаниям религии, и у нее критически заболела голова. – Наверное есть какие-то легенды и пророчества, но я ничего не могу вспомнить. – Лучница приложила руку к голове, сдерживая легкую мигрень неуспеха.

По забавному стечению обстоятельств Кай тоже не сумел ничего припомнить, посему промолчал. Разговор становился вялым.

– Я не сомневаюсь: они что-то знают. – Вступил в диалог Ульрик. – Комета это или нет, но лед сдвинулся. Только вот неясно: что за лед и куда именно он поплыл. Об этом можно долго говорить. И, Салерса, не обижайся на меня, пожалуйста, но я знаю предречения вашей Небесной Покровительницы, которые ты не смогла вспомнить.

Змеорожденная одобрительно кивнула, стыдясь своего беспамятства.

– Это не совсем пророчество, скорее, мысль о потенциальных угрозах. В данный момент дословно я не процитирую, но суть такова: что раздвоенная комета ничего хорошего не принесет. Это не спасение или освобождение, это гибель. Другие Небесные Покровители твердят примерно то же самое. Мнится мне только древние эльфы могут что-то реально знать. – Говорил рыцарь.

– Прости, перебью, – подал голос Кай, – после известий о странном поведении гоблинов меня так мутит, мол наступает медленный конец света.

– Да, гоблины... гоблины, – призадумалась Агнерель. – Их, скажем так, обновленное поведение вызывает натуральное недоумение.

– Вопросов больше, чем ответов. Вернее, ответов нет вовсе. – Рассудил Ульрик.

– А что ты сама думаешь о выходе атларов? – спросила эльфийку лучница.

– Что ж... – Агнерель взглянула в небо и моргнула своими ледяными глазами. Нервно накручивая волосы на левый указательный палец, ответила: – В данный момент я пришла к двум выводам. Первый – это значит, что поблизости возник источник магии – вероятнее всего артефакт или реликвия, которые ищут все эльфы. Второй, – волшебница с напряжением выдержала паузу и поморщилась, – мудрейшие из атларов что-то знают; скорее всего угроза так велика, что они попросту поняли: им нет смысла укрываться – есть шанс остановить катастрофу в зародыше. Вот и вышли.

– Параноидное предположение. – Со смешком отметил Кай.

– Только вот звучит оно правдоподобнее всего. – Неутешительно заметила Салерса.

– Кроме страшной беды, их ничего не могло побудить выйти.

– Откуда знать наверняка? Может у них изменилось что-то с порядком или жизненным уклоном? Может пересмотрели взгляды на Аквезар?! – рассуждал Ульрик.

– Исключено. – Отрезала Агнерель. – Эльфы самый стабильный народ, который никогда не свернет с курса без реально веской причины. И подобная причина... может крыться только в опасности.

– Надо бы разузнать правду. – Предложил рыцарь.

– Стоп, стоп, стоп! Подожди! – зашипела Салерса, взводя руку с жестом призыва остановиться. – Мы не вершители мировых судеб, ладно? Не бери на себя лишнее, я

точно с тобой это не разделю. Хоть я и тебя терпеть не могу, но признаю, что мы отличная команда. Я держать не стану, с тобой не пойду.

Ульрик не мог определиться: сказанное напарницей ему льстит или же оскорбляет. Одно он понял точно: она прикроет спину. Все время паладин сомневался в надежности Салерсы, после этой странной и весьма противоречивой фразы, убедился в союзничестве.

– Ну смотри, Салерса, я не буду уговаривать, здесь вопрос серьезный. – Погруженно в глубину мыслей молвила северянка. – Все же имеет смысл обратиться к атларам. Я могу выполнить свое задание. Для Ульрика это вопрос чести. А тебе и Каю хорошо заплатят. Эльфы щедры с теми, кто им помогает, уверена мы будем им полезны. В противном случае – наш путь будет пролегать через Жечвяну – вот там точно будут работы, если с эльфами не выйдет.

– Давайте сперва переживем встречу со зверем. – Завершил разговор Кай.

Поспорить было не с чем. Отряд продолжил движение.

Около получаса наемники продвигались по грязной тропинке. Обстановка оставалась неизменной: паутина, унылая растительность, абсолютная глухомань. За это время рев чудовища раздавался четырежды. Каждый раз невозможно было установить: откуда, и как близко. Эхо было странным. Каким-то тупым. Оно одновременно было звонким, но как-то вызывало ассоциацию с тупым ударом.

Весь этот промежуток команда молчала. Кто-то сосредоточился на внимательности; кто-то обдумывал минувший разговор. Наконец Ульрик начал новый.

– А если это не знамение?

Все замерли, обратив взгляды замешательства на напарника.

– Что ты хочешь этим сказать? – с подозрением покосилась Агнерель.

– Мы привыкли думать, что подобные сверхъестественные аномалии не происходят просто так. Либо Небесные, либо Проклятые что-то роняют – и безусловно оно окажет влияние.

– Ты намекаешь, что резкая централизация гоблинов это совпадение? А необычные сны на несколько умов сразу – забавное стечение обстоятельств?! – перебила Салерса и после своих слов подергивала своим гремучим языком.

– Обычное космическое явление исключать не стоит, но я хотел другое сказать. – Дружелюбно продолжал Ульрик. – Это не знамение в том плане, как его все привыкли воспринимать, а целенаправленные действия более Высоких Сил. Может с этого начинается новая эра? Мы переходим в иную эпоху...

– Астральные эльфы давным-давно позабыли об Аквезаре. – Поспорила волшебница. – Они бы не стали фокусироваться на нас. Им тут ничего не надо.

– А если им есть до нас дело? – неожиданно поддержал Ульрика Кай.

Агнерель тоже хотела возразить, но призадумалась. В этой мысли не было никакой логики. Разумное и здравомыслящее существо даже бы не вспомнило про астральных эльфов. И хотя волшебница отлично проанализировала сказанное, в голове ничего не появлялось. Агнерель прекрасно помнила историю.

Салерса тоже стала копаться в своих знаниях истории и с превеликим трудом вспомнила: что астральные эльфы – это самые первые существа Вселенной. Именно они создали Космос. Теперь живут среди звезд, оберегая свой Космос от иных напастей. Змеерожденная разделяла мнение напарницы: зачем таким могучим существам вдруг понадобилось вспомнить про один из миллиона их миров. Уж точно не для баловства от скуки.

– Мне кажется... – начала Агнерель, но не смогла подобрать слов.

Вопрос тифлинга был так прост, и в то же время взывал к таким мыслительным процессам, масштабы которых не по силу мозгу обычного аквезарца.

– Десятки тысяч лет Аквезар существовал и жил по-разному. Но может все кончено? Не в том плане, что мира нашего не станет, а в том, что его ждут перемены свыше?! – мысль Ульрика была пугающей.

– Теперь мы должны найти ответы! – принял решение Кай.

– Зачем? Что от нас зависит? Получишь ты ответы, и что потом? – бурчала змейка.

– Вдруг мы можем кого-то или что-то спасти? – сказал Ульрик.

– Если это воля самих астральных эльфов... против нее никто выстоит. Все будет так, как задумали они. – Слова Агнерель прозвучали тяжелее, чем зачитанный приговор перед казнью.

И в этот самый момент раздался свирепый рев.

– Мы уже близко! Громче обычного! – сообщил Кай.

– Мы не просто близко... – в ужасе остолбенела Салерса. Сказать, что она чуть не схлопотала инфаркт – ничего не сказать. – Вот он...

Все оглянулись в направлении взгляда лучницы. Среди деревьев стояло страшное существо. На него слегка падала тень, делая образ еще более жутким. С его появлением даже воздух испугался. Ощущение стало, как в парнике.

Метрах в пятидесяти в оскале готовилось напасть здоровенное чудовище. Сперва показалось, что это мутировавший оборотень. Но это было нечто большее. Жилисто-мускулистый волк, на двух ногах, а мощные руки имели длиннющие, острейшие, толстейшие когти, как скимитары. Шерсть была агрессивно взъерошена и выпачкана кусками плоти недавних жертв, измазана кровью и грязью. Существо было полностью голым, однако не имело никаких половых признаков, что наводило на мысль: это не животное, а ожившее оружие. Голова была странной: она почти выглядела волчьей, но проступали мелкие черты человеческого лица, как пятна на больной коже.

Это было даже не чудовище. А самый настоящий мутант, выкованный жестокостью в самой Бездне. Все перепугались. Устрашение не подействовало только на Ульрика. Он знал, что под личиной злобного проклятия еще дышит человек. Ему надо помочь. Его надо спасти.

Хоть тварь и была человекоподобной, она встала на четвереньки и огромными прыжками рванула к наемникам.

– Врассыпную! – прокричал Ульрик.

Все ринулись в стороны, кроме него самого. Золотан в панике зафыркал, не желая бросать хозяина и напарника, но посторонился. Лартайя укрылась, спрятав мордашку под лапами. Агнерель и Салерса отпрыгнули левее паладина; а Кай кувыркнулся вправо.

– Ольгерд! Ольгерд, послушай меня! – принимая боевую стойку, начал рыцарь.

Но зверь, как валун с горы, врезался в паладина. Последний не устоял. Монстр боднул Ульрика в туловище, оставив вмятинку в доспехе. Человек отлетел метров на десять и стукнулся спиной об дерево. На него бесшумно полетели шишки сверху. Звук соприкосновения шишки и металла доспеха тоже не было. Ульрик с трудом остался в сознании, но ушиб получил сильный. И беда была еще в том, что шлем оставался у Золотана – голова была незащищена.

Ульрик едва очухался, вскочил на ноги, пошатнулся и без звона изъял меч из ножен. В этот момент Салерса выпустила три отравленных стрелы в соперника. Все наконечники глубоко впились в плоть чудовища. Но тут же через пару секунд стрелы выскочили из плоти, словно их кто-то выплюнул. Места ранений мгновенно затянулись.

– Что за?! – ужаснулась Салерса.

Следом ударил Кай. Он вонзил два тоже отравленных кинжала в левый бок Ольгерда. Он даже не взвыл, словно не почувствовал, а лишь продолжил мстительно рычать. В его обезумевших глазах четко было написано: «УБИВАТЬ!» Кинжалы тифлинга что-то вытолкнуло. И хотя плут вонзил все тридцать сантиметров лезвия в существо, это не помогло. Раны восстановились начисто – будто удара и не было. Кай в шоке взглянул на свое оружие, как на фальшивку.

– Отойди-ка! – воскликнула Агнерель, готовя ряд заклинаний. Кай задним сальто отпрыгнул. Из уст волшебницы полились слова: – Ugnara! Leduzars! Zibensstars! Perkonstrals!

Через одно моргание глазом в Ольгерда полетели: массивный огненный шар; здоровенная сосулька, способная пробить, что угодно; бешеный луч из молний, сверкающий на всю округу; и по земле затрясся громовой удар, призванный сбить сраженную тварь наземь. Сперва существо обожгло, превратив всю шерсть в угольный прах; этот ожог моментально остудило пронзанием – вошло в правое бедро и вышло через левое; мокрую обугленность окатило молниями; по ногам ударила трясушка, ломая кости, сбивая с ног. Волк рухнул. Не успели герои моргнуть, как еще более яростный и ошалевший зверь полностью восстановился и вскочил на ноги, атакуя когтями паладина. Никто даже понять не успел: а что произошло.

На Ульрика обрушивались страшные удары. Они были быстрее молнии, грубее камнепада. С трудом паладин отбивался или уворачивался, пятясь назад.

– Что нам теперь делать? – перепуганная Салерса задала отчаянный вопрос Агнерель.

– Только священная энергия погубит это проклятие. Только Ульрик может. Мы беспомощны! – Со страхом признала волшебница.

– Но мы же можем что-то сделать! – запаниковал Кай.

– У меня пока нет идей.

Волк напирал на Ульрика. Последний уже покрылся потом и стал жертвой лютой отдышки. Но не переставал защищаться и взывать к человеку внутри:

– Ольгерд! Я знаю ты слышишь меня! Борись! Спротивляйся проклятию! Я здесь, не чтобы тебя погубить – я тут для твоего спасения! Ольгерд!!!

Рыцарь пропустил удар. Благословенный Иэгнисом доспех с трудом выдержал удар. Шесть когтей со страшным свистящим скрежетом проскользили с искрами по латной кирасе. Салерса и Агнерель упали на колени, схватившись за уши. Это был единственный звук за схватку. Он был таким звонким, что глухая местность его не заглушила. Ульрик как будто протрезвел. Его могли сейчас порвать в прямом смысле. Рыцарь сосредоточился, ища решение.

– Ульрик! Только ты можешь его победить! Используй божественные заклинания!
– призывала Агнерель.

– Подожди! – кричал в ответ гервен, – я не буду его убивать. Лучше помоги вернуть ему разум!

– Если ты не прикончишь его – я пристрелю тебя! – угрожала Салерса, целясь в голову паладина.

– Тогда желаю удачи убежать от этой штуки, когда сдерживать ее будет некому.

Салерса недовольно с шипением зарычала. «Чертов паладин» категорически прав – додумался, и опустила лук.

– Лучше помогите мне!

Ни Агнерель, ни Кай, ни Салерса элементарно не знали: как тут поступить, что говорить. А Ульрик продолжал и продолжал свою борьбу. Оскверненное существо с каждой новой грядой ударов обрушивалось все яростнее и яростнее. Ульрик быстро блокировал каждый удар, но долго продолжаться это не могло. Вскоре руки могли устать, реакция грозила затупиться.

– Ольгерд! – кричал паладин бодрящим голосом, – Я знаю ты внутри и слышишь меня! Что же ты натворил с собой? Я хочу тебе помочь! Я могу это сделать!

Чудовище начало бить еще мощнее, но при этом Ульрик заметил: оно ускорилося нехотя.

– Давай его свяжем! – в крике предложила Салерса.

– Отличная мысль!

Лучница достала из своего вещкрystalла маток веревки. Кай выпил зелье ловкости, чтобы активнее действовать при связывании. «Armu!svara!» – воскликнула Агнерель, пытаясь посеять отвлекающее замешательство в голове твари. Но подобного рода морочащее заклинание предсказуемо разбилось о существо, как ваза об стену. Салерса кинула один конец веревки Каю, а другой бросилась обматывать вокруг дерева.

Тифлинг с явным преимуществом своей ловкости метнулся к зверю. Он заметил, что его начали обвязывать. Плут действовал слишком быстро – перехватить его не удавалось. Трижды чудовище не преуспело в перехвате. В миг веревка натянулась и обхватила огромное тело. Весьма предсказуемо было, что тварь порвет веревку. Но кассарская веревка была лучшей в мире, поскольку создавалась для удержания толпы

рабов. Вместо разрыва чудовище вытащило дерево, к которому был привязан другой конец. Дерево неуверенно торчало на корнях, готовясь свалиться.

– План Б! Пусть дерево придавит его! Не убьет точно! – возгласила Агнерель.

Поскольку зверь больше не мог бить, он тянул дерево. Ульрик бросился к стволу, чтобы скорректировать падение на нужную цель. Но дерево застряло. Корни не пускали ствол. Силы зверя не хватало, чтобы выдернуть сосну, хотя казалось, что она «висит на соплях». Рыцарь предпринял попытку уронить на соперника дерево; однако паладину не хватило силы. Салерса кинулась помочь. Но зверь додумался освободить себя.

Может физической силы и не хватало, чтобы порвать веревку – ее можно было порезать. Массивная челюсть с острейшими зубищами начала кусать свои пути.

– О нет! – испугалась Агнерель и тоже кинулась толкать дерево.

Втроем герои навалились. Сосна со скрипом согнулась, но все еще держалась.

– Поздно! – крикнул Ульрик и побежал к освобождающемуся зверю, чтобы снова принять на себя отвлечение.

Челюсть покруче драконьей разгрызла веревку. Зверь сразу бросился к стоящему неподалеку Каю. Тифлинг попробовал улизнуть. Ему с трудом удалось это сделать. Острые когти пролетели в паре сантиметров от головы плута. Громким криком атаки рыцарь привлек внимание к себе. Оба снова схватились. Ульрик понимал, что шансы его команды в принципе нулевые, если продолжать драку. Надо было расколдовать друида или воззвать к остаткам его души.

– Ольгерд! Я понимаю, что ты совершил ошибку. Но еще можно остановить это безумие. Разве твоя семья хотела бы видеть тебя таким? Неужели они бы приняли твое решение? Я отказываюсь верить, что ты так просто предал их память этим проступком, так откажись же от этого! В светлую память о них! – Ульрик кричал искренне. Он давил на совесть, веря, что она еще тлела внутри чудовища.

Зверь начал бить активнее. Однако паладин заметил, что по левой щеке Ольгерда потекла слеза. Она странно воздействовала на плоть проклятой твари. Слезка шипела, как кислота, разъедающая кожу. Ульрик убедился, что он действовал правильно.

– Ольгерд! Я не желаю тебе зла! Я хочу помочь! – продолжал рыцарь. – Прошлого не вернуть! Но ты можешь повлиять на будущее! Ради их светлой памяти! Вернись!!!

Зверь заметно противился своим действиям, но неведомая сила принуждала бить быстрее. Бить сильнее. Бить злее. В один момент Ульрик еле увернулся. Скимитароподобный коготь глубоко порезал правую щеку рыцаря. Кровь потекла сплошной занавесью. Ульрик не потерял своей устремленности.

– Ольгерд! Борись! Я знаю ты там! Борись! – продолжал гервен.

Его команда молча наблюдала за всем. После нескольких идей стало ясно: это существо ничто не возьмет – либо возрождение души, либо паладинская святая энергия. Поэтому все с напряжением следили за неравной схваткой.

– Убей меня. – Вдруг сказал человеческий голос из глубины глотки рычащего чудовища.

Ульрик на мгновение не поверил ушам.

– Убей меня, прошу! – взмолился голос. Затем он резко сменился бешеной яростью. – *Я ТЕБЯ ПОКРОШУ!* – И снова с трудом прорвался человек. – Это спасение.

– Не сдавайся Ольгерд! – сказал Ульрик и упустил удар локтем. Паладина откинуло в сторону, однако ловкость не позволила упасть – рыцарь устоял. – Я знаю мощные заклинания! Я знаю отличных священников – они тебе помогут! Мы излечим тебя! Борись, Ольгерд! – Ульрик сам взмолился и чуть было не заплакал.

– Нет. – Сказал Ольгерд. – *Я РАЗБРОСАЮ ВСЮДУ ТВОИ КИШКИ!* – С пеной в пасти вопил зверь. – Я связался... я... – договорить друид не смог, он ахнул в приступе боли. – *Я УБЬЮ ТЕБЯ! И ВСЮ ТВОЮ СЕМЬЮ! Я... Я БУДУ...* – власть вернулась человеку. Он начал быстро говорить – лишь бы успеть высказать нужное. – Я связался с таким злом, которое... аааггхх... которое никому не излечить... *Я РАСТОПТАЮ ТВОИ МОЗГИ И СОЖРУ СЕРДЦЕ!*

– Ты ошибаешься! Нет такой силы, все можно излечить. Я чую твою совесть, я вижу борьбу твоей души! Вместе мы справимся! – восклицал паладин.

Зверь прыжком накинулся на жертву. Рыцарь отскочил и сразу заблокировал удар когтей, пятясь назад. Кай бросился на помощь, не в состоянии стоять, но Салерса его одернула, мотая головой. Тифлинг послушался. Но команда едва могла стоять и смотреть – обстановка накалялась.

– Я впитал суть проклятья. Ты не излечишь меня. – Отвечал Ольгерд. – *Я СДЕРУ ТВОЙ СКАЛЬП С ПЛОТИ И БУДУ ПИРОВАТЬ!* – зверь выбил меч из рук рыцаря, но чуточку притормозил. Его внутренний переполох стал не только слышимым, но и заметным. – Прошу. Я просто хочу повстречать своих любимых. *Я УБЬЮ ТЕБЯ!*

Момент промедления зверя позволил Ульрику подобрать упавший меч. Схватка продолжилась, но паладин ощущал усталость. Пот стекал со лба, заливая зрение. Этот же пот делал боль в порезе невыносимой – часть лица онемела.

– Я совершил ошибку. Только смерть спасет всех. Не медли, паладин. Или... аааггхх... *Я ИЗОБЬЮ ТВОИМ ЖЕ ЧЕРЕПОМ ТВОЕГО ОТЦА! ТВОЮ МАТЬ! И ДЕТИ ТВОИ ПОДАВЯТСЯ ТВОИМИ КОСТЯМИ!*

Зверь стал терять подобие своего рассудка. Его разрывало две сущности – остатки человека и проклятие. Вдруг со звуком тянущейся резины кожа чудовища начала местами рваться. Оттуда полилась кровь и лютым потоком пошел красный дым.

– Ульрик! – запаниковала Агнерель. – Из него что-то вылезает!

– Не медли, Ульрик! Нет времени! Его не спасти! – кричала Салерса.

– Ольгерд! Сопrotивляйся! Я не дам тебе умереть! Ты должен жить! Ты нужен нуждающимся! Я тебя не брошу! – ослепленно кричал паладин.

– Убей меня, молю. Я заслуживаю кару за свою ошибку. Я хочу к семье. – Зверь заплакал.

– Ульрик!!! Поздно! Из него что-то лезет! – заорал Кай.

В момент гервен ощутил такой поток скверны Проклятого Бога, что вспомнил: так изобилует этой аурой только сам Ровестриар. Из безбашенного чудовища вылезал сам Проклятый.

– Я не могу его больше держать! – застонал с пронзающей болью Ольгерд. – Молю, покончи с этим!

– Ну давай же! – настаивала Салерса, стряхивая пот с ладоней.

– **ТЕБЕ КОНЕЦ!!!** – Заревело чудовище и нанесло размахистый удар.

Ульрик нехотя принял непростое решение. Но он понял, что тщетно бороться. Если он не исполнит долга – в мир спустя тысячелетия явится Проклятый Бог. И миллионы трупов, и повсеместная скорбь будут на совести Ульрика.

Паладин нырнул под рукой твари и подпрыгнул. Меч воина засветился божественно-лучезарным светом. Ульрик в высоком прыжке развернул свое оружие и занес его над соперником. Через миг клинок вонзился в ключицу злодея. И началась агония. Божья кара сжигала чудовище изнутри.

Монстр стал ворочаться, визжать так, что в далеком Нью-Старфорде затрещали окна. Тварь билась в самой настоящей агонии. Ульрик вдавил меч по самую рукоять, пытаясь скорее умертвить врага, чтобы тот меньше мучился. Но тот противился. Проклятие боролось с заклинанием. Наемники затаили дыхание.

В один момент Ульрик повернул оружие. Внутри зверя что-то с треском хрустнуло, и борьба прекратилась. Голова монстра слегка преобразилась в лицо обычного человека. Кареглазый мужчина с усами щеткой и следами от акне.

– Спасибо! – добродушно произнес настоящий и приятный голос Ольгерда.

Затем бывший друид улыбнулся и закрыл глаза. Раны перестали разрастаться. Тело обмякло и пало. Паладин вынул меч. Опираясь на него, встал на одно колено и возложил три пальца – средний, безымянный и мизинец, на лоб поверженного врача. Со слезами Ульрик стал тихонько произносить молитву.

Все было кончено. Но команду не покидала мысль, что дело провалилось. Не было ощущения, что повергли чудовище. Кай сокрушенно сел, поджал к себе колени и обхватил их руками. Хоть он и был убийцей – остатки совести понимали: что-то сейчас произошло неправильное. Агнерель заплакала и обняла Лартайю, которая скулила, стараясь успокоить хозяйку. Эльфийке было больно.

Салерса медленно подошла к Ульрику. Хоть змеерожденная и была плодом совсем иной культуры, но и она понимала многое. Обычный мужчина, любивший свою семью, помогал всем, кто приходил к нему с просьбой о помощи. Этот мужчина делал это от сердца и безвозмездно. Но стал жертвой сговора сребролюбцев и буржуев. В трагической скорби поддался не тем чувствам. Пошел на поводу у неправильных эмоций. Прислушался к отравляющим, но жизненным, речам Проклятого Бога. И вот он лежит сраженный. Хоть Ольгерд и был повинен во многих злодеяниях, он все равно воспринимался, как невиновный.

В своей неизмеримой грусти наемники не заметили, как проклятие покинуло округу. Герои не долго были изолированы от естественных вещей, поэтому их возвращение не призвало внимания. Но всех потихоньку стал обдавать ветерок. От него сосны начали слегка скрипеть. Наверху шуршали белки. Местами жужжали шмели,

порхали бабочки. Запели птички и застучал дятел. Жизнь вернулась в лес – бояться было нечего. Но цена за это «воскрешение» природы была дорогой.

Салерса положила руку на плечо Ульрика. Хоть ладонь и лежала на доспехе, рыцарь все равно ощутил тепло и поддержку напарницы. Паладин обернулся на лучницу. Она от всей своей души хотела показать, что в этот момент Ульрик не один. Он оценил это, одарив Салерсу мелкой улыбкой. Она же кивнула и покрепче сжала металлический наплечник, прекрасно зная, что гервен все ощущал.

– Упокойся же в объятиях Детей Иэгниса и обрети радость в обществе семьи твоей. Прощай! – молитвенно произнес Ульрик и встал, не отводя плачущих глаз с тела.

На этом теле застыла добрая улыбка благодарности. Вдруг где-то изнутри остывающей туши промелькнули слова: «Это еще не конец!» Проклятый голос был хорошо знаком Ульрику.

Салерса повернула к себе рыцаря и ласково, насколько позволял змеиный голос, промолвила с улыбочкой:

– Ты не виноват. Ты все сделал правильно. – И обняла напарника.

Хоть и было повержено чудовище, команда денег не взяла и мысленно прокляла местных лидеров. Со временем удалось унять совесть, но осадок как будто бы несправедливого убийства закрепился внутри каждого.

***

Собрание Рейхсштаба прошло. Оно было содержательным. Военное руководство страны приняло немало важных решений, издало несколько указов и закрепило доктрину. В стране объявлялся всеобщий воинский призыв на добровольной основе. Гервены по своей сути всегда были воинами, поэтому ожидалось не менее миллиона добровольцев.

Ремесленные цеха должны были получить крупные государственные заказы, а также немало налоговых послаблений, льгот и прочих стимулирующих надежную работу бонусов. Денег у Гервении хватало на массовое вооружение и снаряжение армии. Также вступал в силу закон, предусмотренный на начало войны. Закон этот значительно перераспределял все логистические узлы. После собрания Рейхсштаба у глашатаев появилось много работы. Более трех десятков указов и примерно столько же распоряжений в ближайшие сутки должны были быть оглашены.

Главные решения, которые приняло командование армии, согласовав это с Кайзером: все действующие армии выдвигались на границу с Восточными горами. Армия насчитывала полтора миллиона человек. Однако укрепить границы могло не более шестиста тысяч человек из состава пятнадцати ударных армий. Дело было в том, что почти треть вооруженных сил числилась гарнизонными войсками; при этом были дополнительные сто пятьдесят тысяч, которые назывались Резервом Рейхсгвардии –

гарнизон столицы. И более двух сотен тысяч человек считались дополнительными корпусами быстрого реагирования. По сути, такие корпуса должны были быстро прийти на выручку любой армии и гарнизону. Такие корпуса не были ополчением, но и к регулярным частям не приписывались.

Структура военной машины Гервении была четкой, строгой и хорошо систематизированной. Однако в нынешних обстоятельствах беда была лишь в том, что регулярных армий физически не хватало для защиты границы протяженностью в десятки тысяч километров. Против гоблинов разведка была практически бесполезна, а осуществлять внедрение соглядатаев элементарно не представлялось возможным: человек – просто чужак; а подкупить гоблина – глупая затея, он слишком туп для агентурной работы.

Тем не менее собрание Рейхсштаба хоть и длилось долго, оно было во всех вопросах содержательным. Верхушка страны не растерялась. Гервения основательно готовилась к конфликту, который сулил только непредсказуемость.

На освобождение Вагенштайна было решено направить вторую армию. К тому же Кайзер сам решил встать во главе похода, чтобы показать всей своей державе и заодно всему миру, что он не собирается отсиживаться и прятаться во дворце, когда позовет труба войны. Дух предводительства и настоящего лидерства был у правителя Гервении в крови. Этого было не отнять.

Управление державой временно возлагалось на Канцлера и кабинет его подопечных. Кайзерайху предстояло готовиться к серьезной войне, масштаб которой еще далеко был не predetermined. Однако все понимали одно: хваленый гервенский милитаризм наконец-то получал полную свободу и единогласную поддержку. Исполон веков сутью гервенов была воинственность; поэтому даже в условиях развитой цивилизации Гервения охотно вставала на путь уже не воинственности, а милитаризма.

Эльбрехт проснулся под игру трубачей, играющих подъем. Вторая армия пробуждалась на раннем рассвете. Это была последняя крупная расквартировка перед битвой – до Вагенштайна оставалось не более двадцати километров.

Лагерь очень быстро превращался в суетливый муравейник. К Кайзеру пришли трое слуг – помочь повелителю облачиться в доспех. Пока слуги занимались своим делом, Эльбрехт задумчиво пялился в одну точку и почти не моргал. Он пытался разобрать знамение, пришедшее ему во сне. Он никогда не предавал значения сновидениям, считая шарлатанством предсказание через сны.

Однако в эту ночь все воспринималось слишком реально. Монарх словно не спал, а по-настоящему побывал в другом месте. Он четко помнил каждую деталь, все было таким реальным, а не туманно-странным, как всегда, бывает во снах. Эльбрехт стоял на небольшой каменистой дорожке, рядом с обрывом, в котором бурлила горная река, сходящая с водопада поблизости. Через небольшой разлом дугой шел деревянный мост. Вдали высились снежные скалы и хвойные горы. Между скалами и горами была

странная башня со множеством огоньков. А в небе бесперебойно светила луна, а застыв на одном месте горела комета.

Особенно сильно монарха напрягал тот факт, что с ним был брат. Он его не видел, но четко чувствовал, что Ульрик стоял рядом. И в то же время, Эльбрехт слышал шипение змеи, ее он тоже не видел, но почему-то знал, что она зеленая и мелкая.

– Ваше Величество?! – громко спросил вошедший Рейхсмаршал Гердт Рейнхардт – командующий второй армией.

Эльбрехт пришел в себя и быстро понял, что не заметил, как военачальник вошел и обратился. Высокий, крепкий, лысый, голубоглазый военный отдал честь. Кайзер кивнул, позволяя говорить.

– Планирование завершено, Ваше Величество! Армия выступает. Через пять часов передовые отряды подойдут к Вагенштайну. – Отрапортовал Рейхсмаршал.

– Благодарю. – Кротко произнес монарх, еще утопая в раздумьях. – Извольте посвятить меня в подробности по пути. Пока свободны.

Рейнхардт топнул ногой, отдал честь и ушел. К этому моменту слуги затягивали последние узлы и опоясывали повелителя. Вскоре, со шлемом под плечо, Эльбрехт III покинул свой шатер, который тут же начали сворачивать. Все солдаты и офицеры, завидев покровителя, отвлекались от своих дел и с улыбками восторга отдавали честь.

Глядя на воодушевленных вояк, Кайзер вспомнил, что после сна в загадочном месте, ему приснился второй сон. Он был настолько же реалистичным. Возможно, потому что содержание сна было воспоминанием триумфального события. Прямо перед выступлением второй армии на Вагенштайн Кайзер обратился к солдатам и офицерам. Сон в полной точности напомнил ту атмосферу. Эльбрехт будет помнить те минуты всю жизнь, каждый раз наполняясь восторгом.

И сейчас, идя по сворачивающемуся лагерю, Кайзер сам наполнялся бодрости и воодушевления. Тогда – в Грифонвальде, Эльбрехт вышел на трибуну, специально поставленную перед лагерем второй армии. Его люди – его воины, затаив дыхание, стояли в ожидании речи повелителя, которому верили, на которого молились. Взгляды тысяч глаз верно были устремлены на Кайзера. Он всю ночь провел в подготовке речи, но не сумел придумать уместных слов. Он не хотел говорить о банальных вещах, как долг и защита дома – ему казалось это простым и не вдохновляющим.

Тогда Эльбрехт отдал волю своему гервенскому чутью. Пред ликом своих подчиненных Кайзер кричал во все горло: «Гервенция – это авангард цивилизации! Гервенция – это кладясь наук и прогресса! Гервенция – это стабильность, процветание и счастье! Гервенция – это непобедимая мощь и негибемый дух! А мы! Мы и есть Гервенция!!!»

После своих слов Кайзер схватил вымпел у стоящего рядом знаменосца и стал размахивать гербом. Восемьдесят тысяч воинов самым громким ликованием принялись отвечать повелителю. Это было настолько громко, что ор армии доносился до далеких окрестностей. Воины били оружием по щитам, топали и кричали. Кричали во весь голос. И Эльбрехт понял в тот момент: это час его величайшего триумфа, какого прежде не

было в его жизни. Его признавали полноправным владыкой, за ним шли, на него надеялись.

И вот, ступая по лагерю, ловя вдохновенные взгляды гервенов, Эльбрехт взбодрился и отложил на время думы про странный сон с башней. У Кайзера было дело его долга и чести. Солдаты и офицеры по стойке смирно салютовали двумя пальцами от виска. Повелитель кивал в ответ своим подопечным. Вокруг Эльбрехта, словно бабочки, порхали отголоски его триумфальной речи. В солнечной и благоприятной погоде, которая благословляла поход Рейхсваффе, ощущались уверенность и бодрость.

– Ваше Величество! – осмелился обратиться к монарху усатый мушкетер.

Эльбрехт на мгновение изумился. Никогда прежде с ним не смели заговорить слуги или солдаты. Кайзер общался с ними исключительно по нужде или своей воле. Тут обращение было скорее к старому знакомому, нежели к кому-либо еще. Кайзер озадаченно замер. На его лице четко читалось сущее удивление.

– Я выковал это сей ночью, Ваше Величество! – мушкетер протянул повелителю медную отчеканенную монетку с пробитым по центру грифоньим крылом. – Не соблаговолите принять от меня этот скромный дар в благодарность за Ваше дело?

Эльбрехт взял монетку. Улыбнулся мушкетеру и изрек:

– Сочту за честь. Благодарю за труд и веру! – Кайзер похлопал мушкетера по плечу и добавил: – Все получится.

Монарх направился дальше. Внутри он понял, что ему по-настоящему приятно было принять этот забавный дар; что преданность и дружелюбие обычного солдата для него что-то значили. Это не было осознание: они все служат мне. Эльбрехт пропустил эту мысль через сердце с полным осознанием: они за меня, а я за них. На этом правитель Гервении поклялся себе, что сохранит талисман простого солдата.

Эльбрехт глядел на своих воинов, получая приветствия и восхищенные улыбки. Коридор из вооруженных гервенов, по которому шел Кайзер, натолкнул на интересную мысль. «Я ведь простой человек – как и они все. – Думал про себя Эльбрехт. – Что нас отличает? Происхождение?! Хах! Глупость какая! Это все так странно. Я прежде не задумывался об этом. Как на простого смертного может быть возложено столько? А если он не справится? Кто вообще доверил это ему?»

Кайзер внимательнее оглядел стоящих вокруг. Они и вправду не отличались от него – такие же люди: две руки, две ноги, глаза похожих оттенков, кто-то с усами, кто-то с бородками – глобально не было отличий. «Так почему же я?!» С этой мыслью, что сеяла сомнения и лишала веры в себя, Кайзер дошел до командования армии. Генералы и Рейхсмаршал были уже готовы к выступлению. За ними пристроился строй рейтаров. Эльбрехту подали коня. Кайзер приветливо погладил шею и спину своего скакуна. Последний радостно фыркнул.

Со словами: «Вперед! К Вагенштайну!» – Кайзер оседлал коня. И готовые подразделения выступили в поход. Первый военный поход гервенов спустя семьдесят шесть лет. Все в ожидании гадали: что сулила им предстоящая битва.

Восьмидесятитысячная вторая армия Рейхсваффе двигалась четырьмя колоннами на северо-восток Гервении. Войска двигались быстро и маршировали четко в ногу. Ни одна армия Аквезара – даже эльфийская – не преодолевала подобные переходы с такой скоростью. Командующий армией – Гердт Рейнхардт, объяснил правителю некоторые аспекты и тонкости. Армия была разделена на четыре колонны, чтобы равномерно вступить в бой. Поскольку колонна из восьмидесяти тысяч человек со всеми обозами растянулась бы таким образом, что передовые части уже бы дрались у стен Вагенштайна, а хвост колонны только бы снимался с лагеря. Враг мог разбить такими «мелкими порциями» постоянно пребывающие войска.

Стратегия была предельно простой: в четырех колоннах равномерно распределены типы войск, чтобы авангард, вступающий в бой, был мобильным и хорошо скоординированным. Преимущество ландшафта играло гервенам на руку. Вагенштайн был окружен равнинами в радиусе десятков километров. Это позволяло армии за пять километров до прибытия растягиваться из колонн в шеренгу – таким образом вступать в бой было легко. К тому же изначальная армейская система, учрежденная еще дедом нынешнего Кайзера, давала Рейхсваффе полную свободу действий. Роды и типы войск были идеально сбалансированы. Все виды пехоты со всеми видами вооружений, а также все вариации кавалерии, еще и с поддержкой артиллерии – это было колоссальной силой, которой не обладала больше не одна армия. Тактики были под стать балансу войск в армии.

Пояснения Рейхсмаршала прояснили очень многое Эльбрехту. Последний многое узнал и понял, что под его руководством непосредственно находится самая совершенная военная машина эпохи – в сравнении с остальными армиями других сверхдержав – Рейхсваффе вне конкуренции. К тому же грядущая битва наконец позволяла проверить оружейные новшества в деле. Тренировочный полигон давал весьма узкое представление о реальной пользе и недочетах. В битве за Вагенштайн боевое крещение получали мушкеты и совершенно новый род войск: артиллерия. Поэтому ко второй армии примкнули группы военных инженеров. Они должны были оценивать результаты и планировать работу над ошибками.

После продуктивного и длительного диалога с командирами Кайзер несколько отстранился от марширующей колонны и встал в сторонке с целью понаблюдать. Пред его глазами предстало военное совершенство. По коже бегали мурашки. Зрелище могло впечатлить даже самого равнодушного пацифиста. В мире вечно можно смотреть на три вещи: горящий огонь, текущую воду и марширующую гервенскую армию.

Поначалу внутри Эльбрехта пробуждалась эйфория мальчишки, любящего играть в солдатиков. «Потрясающее и красивое зрелище! И я всем этим командую по-настоящему! Грандиозно! Восхитительно!» Однако Кайзер обратил внимание на медную чеканку у себя в руке, и посетили его совсем иные мысли: «А зачем это надо? Война... для чего она. Ведь все хотят жить, к чему прерывать этот цикл жестокостью? Гоблины... орки... они созданы кем-то или чем-то для войны и убийств – от них мы защищаемся. Но другие народы и нации? Почему?»

Эльбрехт не знал ответа. Ему уже не было шестнадцать лет, когда, разинув рот, можно впечатляться сменой караула или маршем на параде. Ему уже тридцать. В этом возрасте все выглядело иначе. Военная форма и оружие утратили красоту – они пугали своей сутью. Но мог ли правитель самой воинственной державы Аквезара допускать подобные мысли?

Когда культура построена на воинственности и милитаризме: можно ли думать о вреде и зле войны?

«Наверное... нет...»

Сейчас Эльбрехт был отцом. Цена жизни, особенно чьей-то, обрела смысл. Раньше все казалось забавой – ну война и война, куда уж без потерь. Ныне осознание, что прямо сейчас десятки тысяч отцов, мужей, братьев, сыновей шагали на натуральный убой. Если бы только Кайзер мог это предотвратить – он бы непременно остановил это. Но гоблины были не теми существами, с кем можно договориться. «Именно поэтому и существует Рейхсваффе, верно?! – задумался Эльбрехт. – Не для эскалации и завоеваний, а для защиты наших семей и домов от тех, кто не исповедует ничего кроме бойни и жестокости».

Кто Эльбрехт вообще такой, чтобы думать о сути мироустройства?

Простой смертный. Тем не менее возглавляющий целую сверхдержаву.

«Эти уклады и порядки так паршивы. Хотел бы я изменить что-то!»

В этот самый момент, как ручей – быстро и настойчиво, нахлынуло воспоминание о сне в прошедшую ночь. Странная башня среди красивого пейзажа. Она явилась так, словно твердила: «Я ответ на твой вопрос!»

«Но чем же ты можешь мне помочь?» – вслух проговорил Эльбрехт. Ответа не последовало, но в мыслях отчетливо зависала картинка из сна: луна, комета, горы, водопад, башня, звезды, мостик. Вдруг Эльбрехт вздрогнул. Он так углубился в мысли, как крот в землю, что на время выпал из реальности. Когда неожиданно армия начала петь, Кайзера словно отдернули от дремы.

*Память о предках предаст нам силы,
Эхо побед сулит врагам смерть в могиле.
Гром на небе сквозь века,
Даруемая светом Изгниса река.*

*Под венцом властителя стоит,
Могучая власть и златом блестит.
Клятвой воинской будем мы едины,
И веры нашей заповеди нерушимы!
И выстоим покуда живы!
И вражья сталь надломится!
И выстоим покуда живы!
И земли кровью вражьей наполнятся!*

Эльбрехт торжественно просиял от положительного настроения в войсках. Он не был военным, но прекрасно понимал: высокий боевой дух и твердая мораль войска – залог успешной кампании. Если бы не единство и тот самый дух, который царствовал сейчас над второй армией, как белые облака, вероятно, все эти земли поклонялись бы Кассаре.

У правителя большой империи было множество забот и трудностей. К тому же зона его ответственности не ограничивалась внутренним положением – Гервения имела обязательства во всем Аквезаре и обязана была отстаивать свои интересы. Такова была политика. Как бы отрицательно к этой непонятно откуда взятой системе ни относился Эльбрехт – ему просто по праву рождения приходилось играть в это. Ко всему прочему он еще был отцом – уже это немало; и не просто отцом мальчика, а будущего Кайзера. От этого было ничуть не легче.

Так как же простое смертное существо с таким багажом обязанностей может тянуть это на себе и позволять мыслить себе о сути бытия. Некогда! Ни загадочные башни из сна, ни странная суть системы не должны мешать. Он Кайзер и точка!

Эльбрехт только вздохнул и отложил все свои мысли на бессонную ночь. Нужно было сосредоточиться на другом. Близилась битва. И хотя монарх мог не принимать непосредственного участия – все равно требовались здравый ум и трезвый взгляд. А с затуманенными мыслями о сути мира, на который даже Кайзер Гервении повлиять не мог, здравомыслие терялось. Правитель проморгался, протер лицо рукой и направился обратно к командованию.

Наступал важнейший час в истории последних десятилетий Гервении. Передовые подразделения подступали к Вагенштайну с юга, юго-запада и юго-востока. Вторая армия, согласно плану, уже была развернута в полной боевой готовности. Однако все не было так однозначно – в каком-то смысле осада сорвалась.

Командование армии столпилось возле стола, на котором лежала карта города. Высшие чины были поглощены планированием осады, но всех отвлек адъютант. Внимание штаба приковало странное событие; а именно необоснованная вылазка гоблинов. Захватчики очень быстро стали выбегать из города и строиться прямо под стенами – на равнине. Сперва было неясно: зачем враг это делает. Казалось, зеленокожие просто преградили путь – но зачем?

– Это еще что такое? – глядя в подозрную трубу, недоумевал Рейхсмаршал.

– Какого они вытворяют? – разделял ступор один из генералов.

Все стали бурчать и перешептываться. Действия защитников были настолько глупыми и неуместными, что сбивали атакующих толчку.

– Может они выигрывают время? – предположил еще один генерал, пялясь в подозрную трубу.

– Но для чего? – задумался Кайзер, который также искал ответы.

Был отдан приказ войскам остановиться и менять построение. Артиллерию немедленно стали разворачивать на предельном расстоянии выстрела.

– Или они отвлекают нас от чего-то?

Штабисты стали смотреть во все стороны и искать ловушку. Насколько гоблины ни считались тупыми, но даже они поняли бы: защищаться проще в стенах, а не перед ними. К тому же их руководитель, неизвестный никому, уже дал понять, что не так прост. Ведь объединить гоблинов и заставить их действовать стратегически – просто непосильная задача. И взять укрепленный город сходу не под силу лучшим армиям Аквезара. Поэтому и возникает такой навязчивый вопрос.

– К чему эта безрассудность? Мы точно что-то упускаем! – Рейхсмаршал Гердт едва сдержал панику.

Подзорные трубы смотрели во все стороны – даже туда, где еще маршировали догоняющие обозы второй армии. Тем временем гоблины продолжали покидать укрепления и толпились, как бунтующая толпа, на равнине. Они даже не пытались создать подобие боевого построения. Эти примитивные вояки просто выходили. Зеленокожие стали кричать всякие оскорбления и насмешки, но расстояние растворяло эти словечки в себе. Гервены, стоящие в полном ступоре, не различали кривляний врага.

Командованию, которое, по сути, имело безупречную военную теорию, значительно не доставало военной практики – вернее, ее не было у гервенской армии вовсе. Только на бумаге Рейхсваффе было сильнее и мощнее всех.

Продлилась эта смута недолго. Вторая армия стояла лицом к лицу с захватчиками. Штаб по-прежнему в легком смятении искал западню. Через время генералы стали переговариваться и решать: какую же теперь тактику применить – как атаковать?

Однако гоблины выкатили очередной «сюрприз». Почти все гервены вздрогнули и обратили внимание куда-то вглубь гоблинского войска.

– Что это? – спросил Эльбрехт, широко разинув рот.

– Барабаны.

Гоблины действительно начали лупить в огромные барабаны. От них на всю округу раздавался грубый стук. Зеленокожие пошли в атаку.

– Что во имя Иэгнаиса они делают? – схватился за голову один из генералов.

Имея возможность и шанс на победу внутри Вагенштайна, его оккупанты предпочли сделать бессмысленную вылазку еще и с атакой. Это настолько выглядело глупо, что штаб второй армии не на шутку затормозил и стал терять время в осознании. Действия врага не поддавались никакой логике. Наконец командующий армией воскликнул с толикой неуверенности в голосе:

– Защитная формация номер три!!!

Стоящие близ офицеры и адъютанты начали передавать эту команду и разбежались. Многочисленные барабанщики стали отчеканивать сигналы, командующие формацию номер три в обороне. Хоть гервены и были малость растеряны, они все равно в идеале выполнили построение, поскольку на тренировочных полигонах все отчаивалось «до блеска». Кайзер и его военные с восхищением

лицезрели высокую организованность движений подразделений – все было так же четко, как работа надежных швенцанских часов.

Авангард второй армии выстроился в следующем порядке: впереди встали мушкетеры, которые с приближением врага, должны были уступить место стоящим позади копейщикам и пикинерам. Вслед за этими отрядами строились рундаширы и мастера меча – самый опасный род войск во всем Рейхсваффе. И за ними для подстраховки заняли позицию арбалетчики.

Гоблинские удары в барабан не прекращались и, казалось, они становились громче. Гервены выстроились согласно приказанной формации. Вот-вот должно было начаться кровопролитие. Хоть строй гоблинов и был безобразным и не внушал никакой угрозы, гервенам все равно было страшно. Это был их первый бой. Многие добровольно вступили в армию, но и они боялись первой серьезной и настоящей стычки. Но ведь их обучали, тренировали, воспитывали – они не дрогнут, выстоят, победят и красивыми освободителями пройдут маршем по улицам Вагенштайна.

– Герр Рейхсмаршал, артиллерия готова! Ожидаем приказов! – сообщил командующему генерал артиллерии.

Гердт Рейнхардт вопросительно посмотрел на Кайзера. Последний одобрительно кивнул, затем, успокаивая себя, вздохнул.

– Стрелять по готовности! – приказал Рейхсмаршал.

– Стрелять по готовности! – прогорланил своим офицерам генерал.

Это фраза цепочкой, словно эхо, понеслось по рядам пушечной прислуги. Задача для артиллеристов была простейшей – если на полигонах от них требовалось прицеливание, то сейчас достаточно было выстрелить в правильную сторону – ядро само влетит в толпу гоблинов.

Вдруг, громче любого грома, грознее любой горной стихии, раздались шумные грохоты пушечных залпов. Почти все лошади запаниковали. У многих заложило уши, у некоторых из них пошла кровь. Со своими выстрелами пушки изрыгнули мутный серый дым, который назойливыми тучами навис над батареями. Сказать, что все на поле боя содрогнулись – значит нелепо соврать. Прежде невиданное миру немагическое оружие оказывало необратимый устрашающий эффект на обе армии. Но когда все узрели результат этих залпов – шоковое молчание было единственной реакцией.

Десятки и сотни гоблинов рвало на куски. Они разлетались по частям. Результат превзошел все ожидания. Военные инженеры ничего не записывали, раскрыв рты. Они превзошли себя многократно. От пушек ожидали меньшего. Но от залпа пятидесяти орудий значительно покосило гоблинов физически, а моральный ущерб был еще мощнее.

Вскоре батареи дали повторный залп. Эльбрехт чуть было не всплакнул. Он понял: какое ныне оружие в его руках. Оно бесчестное, ужасное, жестокое, опаснее любой простой магии, но при этом катастрофически эффективное, способное быстро и без особых потерь обеспечить победу. Штабисты также испытывали разносторонние впечатления: несправедливость мешалась с пользой сохранения живой силы.

Третий залп не заставил долго ждать. Он снес не меньше, чем предыдущие. Гоблины, как загипнотизированные, приближались в яростном набеге. Тогда настала очередь мушкетерам продемонстрировать всем свое оружие. После результатов пушечной стрельбы ожидания в отношении мушкетов резко возросли.

Мушкетеры в черных камзолах и черных шляпах взяли свое главное разящее оружие на изготовку. Первая шеренга опустилась на колено. Раздался приказ: «Целься!» мушкеты беспощадно обратились носами к врагу. «Пли!» – словно приговор раздались крики офицеров. Тысячи мелких громыханий, вздымаясь пыльным дымом, со вспышками пронеслись по рядам гервенских войск.

Первые ряды гоблинов не защитили ни щиты, не спасла броня. Зеленокожих, бегущих спереди, просто намертво сдуло. Трудно было судить: сколько пуль из скольки попали, но и тут результат был ошеломляюще колоссальным. Вместе с запахом пороха над второй армией возобладал запах победы.

Мушкетеры успели перезарядить свое оружие и дали второй залп. Артиллерия не смолкала и вела огонь с предельной скоростью. После залпов черных стрелков гоблины стали замедляться и в итоге остановились. Они глядели по сторонам и, в особенности, пялились в небо, которое постепенно затягивало пороховыми тучами. Захватчики запаниковали и подумывали о бегстве. Но тут раздался странный звук. Ни один превосходный писатель или летописец не сумели бы описать этот звук. Это был не какой-то особенный горн или же странное огромное чудовище. Все, что можно было сказать: что-то космическое – нечто астральное. Ближайшее совпадение с известными звуками – звук вибрации. Но это довольно грубое сравнение. Звук, разнесшийся над полем боя, был громким и масштабным.

Это нечто вразумило гоблинов продолжить. Они не поддались некоему контролю, а нешуточно испугались. Они чего-то боялись намного больше, чем мушкетных пуль, которые подобно бешеным пчелам не оставляли шансов уцелеть. Даже громохочущая и кровожадная артиллерия не пугала так, как тот звук. Зеленокожие возобновили атаку, удвоив свой энтузиазм.

Пугливое промедление врага дало мушкетерам время для перезарядки и осуществления третьего залпа. «Пли!» – жестоко прокричали офицеры. Полетели пули. От них было не убежать. Не скрыться. Не защититься. К четвертому залпу мушкетеры не успели бы. Поэтому барабаны отбили новый порядок: мушкетеры разбились на квадратики, стоящие за ними пехотинцы с копьями сделали то же самое. В итоге передние ряды очень четко и быстро совершили рокировку с задними отрядами.

Теперь первыми стояли копейщики. Они создали непреодолимую стену из щитов, обратив острые наконечники к врагу. За ними вплотную пристроились пикинеры. Их длинные пики также обратились к врагу. В итоге первые ряды второй армии оцетинились своим оружием так, что даже муха не пролетела бы.

Нехотя гоблины вынуждены были напороться своей безобразной толпой на плотный строй гервенов. Зеленокожие несли невообразимые потери. Командование второй армии преисполнилось такой гордости, что до хвастливой гордыни оставался один шаг. Враг потерял уже пятую часть, а еще ни одного гервена не погибло.

Наконечники копий и пик проламывали некачественную полуржавую броню гоблинов насквозь. Последние напирали как могли. Их никто не учил сражаться, они просто дрались так, как могли и умели. Никаких тактик, никаких особых навыков. Столкновение с лучшей армией Аквезара было чистой гибелью тем, кто не отважится сбежать. Победа второй армии была безоговорочным вопросом времени.

Тем не менее зеленокожие сумели надавить с достаточной силой, чтобы потеснить копейщиков и пикинеров. Тогда арбалетчики вступили бой, прикрывая перестроение пехоты. Арбалетные болты не были так пагубны, как свинцовые пули, но польза была не значительно меньше. На смену «острой» пехоты выступили рундаширы и мастера меча. Мечники представляли собой чуть ли не бессмертную пехоту. Полностью закованные в латные доспехи с двуручными двухметровыми мечами мастера были самой губительной угрозой. Их квадратные отряды по двадцать – двадцать пять человек были опаснее мясорубки. Беспощадные мечники со своими лезвиями кромсали врагов, превращая их в фарш. Взмахи здоровенных мечей сперва блестели на солнце, затем перестали, обогрившись кровью.

В это же время на правом фланге гервенов зашевелились драгуны. Они наполовину обогнули левый фланг гоблинов и открыли огонь из своих карабинов. Гоблины ногами попытались угнаться за наглыми всадниками, но те при приближении врага, просто отскакивали на несколько шагов, продолжая свой подлый, но крайне эффективный обстрел. На случай несурзаицы у драгунов к броску готовился совершенно новый вид тяжелой кавалерии, призванный заменить традиционных рыцарей, – рейтары.

Мастера меча крошили своих врагов, пробиваясь вперед. Адреналин кровожадности несколько нарушил порядок формаций. Рундаширы стали не поспевать за мечниками, что грозило последним окружением. И хотя они могли за себя постоять, допустить этого было нельзя. Командование бросило в бой копейщиков и пикинеров, которые уже заменили пики на шпаги и палаши. Бой был ожесточенным, кровавым и суровым. Гервены яростно боролись за свой народ и землю, мотивация же гоблинов была неясной, но крайне настойчивой.

– Смотрите! – пробасил один из генералов. Он глядел в подзорную трубу и указывал куда-то направо – на северо-восток.

Все обратили внимание туда.

– Что это? – недоумевал Кайзер. Убрал подзорку, проморгался, словно не верил увиденному, и взглянул еще раз.

– Это был наш ответ на все. Уже не нагоним. – Разочарованно сказал Гердт.

Все видели: очень быстро фигура в черном плаще скакала верхом на животном, похожем на волка, только какого-то цвета звездного неба, в сопровождении

шестнадцати гоблинов на гиенах. Нагнать уже было нечем и некем. Но теперь все примерно образумилось.

– Если бы мы окружили город – этот кто-то важный или даже важная не совершил бы побег. Ценой целого войска этот кто-то просто выбрался из Вагнештайна, явно задержавшись там не без причины. – Комментировал Рейхсмаршал.

– Мы им как снег на голову упали. – Рассуждал один из генералов. – Гоблинская разведка, если таковая есть, никому не сообщила о нас...

– Или запоздала. – Предположил другой генерал.

– Верно. В итоге мы сорвали врагу планы, теперь надо понять: кто ездит на волкоподобных звездных существах.

Эти слова прозвучали страшнее любой загадки, на которую точно не было ответа. Но теперь не оставалось сомнений: лидер гоблинов не был гоблином. Кто-то как-то подчинил этот глупый народ. И совпадение звездного полуволка и упавшей кометы настораживало.

Тем временем на поле боя войска хлюпали по лужам гоблинской крови. Земля не успевала впитывать. Мастера меча продолжали прорубаться вперед, оставляя за собой кусочки зеленокожих. Многие из мечников уже шли чуть ли не вслепую, поскольку вражеские куски залипли на глазных прорезях шлемов.

В один момент Эльбрехт потребовал подать ему коня и попросил слуг дополнить доспех, напялив латные рукавицы и подав шлем. Красивым прыжком, шелестя своим черным, как уголь, доспехом, в центре которого блестел алмазный гербовый гиппогриф, Кайзер оседлал коня в такой же темной броне.

– Что вы делаете, Ваше Кайзерское Величество? – озаботился Рейхсмаршал.

– Веду своих людей. Хоть мы победим и так, я хочу, чтобы они видели: я впереди, а не прячусь за спиной! – отважно заявил монарх.

Стоило отдать должное: он вообще мог не лезть в грязь бойни. Но посчитал своим долгом быть со своими людьми. Многие одобрительно закивали, смотря с воодушевлением и верностью.

– Пусть прибудет с Вами благословение Иэгниса! – гордясь повелителем, бодро пожелал Рейхсмаршал.

Кайзер кивнул и умчался к немногочисленным рыцарям. Модернизация и перевооружение армии свело надобность в рыцарях, как нерегулярной тяжелой кавалерии фактически к нулю. Лишь из соображений обеспечения лояльности дворянства и соблюдения некоторых традиций рыцари оставались в составе Рейхсваффе, но в крайне ограниченном количестве. Вторая армия насчитывала около тысячи рыцарей. Они состояли исключительно из дворян.

За время сражения аристократы в прямом смысле заскучали; самым активным их действием было успокоение коней, паникующих от залпов. Появление Кайзера перед стальными рядами рыцарей взбодрило последних. Неспроста их великий лидер в полном бронировании вставал впереди, словно лев, ведущий свою стаю. Эльбрехт напялил шлем, открыл забрало и вынул меч. Впервые он доставал оружие за последние

семь лет. В прошлый раз он держал меч на тренировочном поле в схватке с наставником. Сейчас предстояло многое вспомнить и не побояться воспользоваться былыми навыками.

– Рыцари Гервении! – вопил во все горло Эльбрехт, вздымая меч к небу. Он хотел верить, что хотя бы малость похож на своего великого прадеда, что не позорит честь семьи и гордость оружия. – Ступили мы в новую эпоху, но это не значит, что на поле боя нет более места нашей рыцарской славе! В час беспощадной сечи во имя защиты нашего отечества я взываю к вам, братья! Не посрамим память предков и покроем себя славой героической победы! – Рыцари доблестно вынули мечи из ножен, салютуя ими к небу. Эльбрехт повысил голос до предела, не потеряв при этом воодушевляющего тона. – Так сокрушим же злодеев, сеющих недоброе в наших краях! Гервения – это наша земля! Гервения – это оплот нашей чести и могущества! За мной! В атаку! – Кайзер опустил забрало, развернулся и пришпорил коня.

За спиной Эльбрехт слышал грозные возгласы сотен рыцарей, начинающих атаку. Боевой ор вознесся над полем боя, перебивая артиллерийские залпы. Земля в покорном благоговении задрожала. Ни одна горная лавина не была столь же пагубной, как атака закованной в сталь кавалерии. Гоблины замерли, когда, едва стоя на ногах, ощутили нападение на их левый фланг. Атака рыцарей воспринималась – без единой капли преувеличения – всплеском силы Небесных Покровителей. Еще до столкновения гоблины поняли: дело гиблое. Боясь врагов, а не своего хозяина, зеленокожие в приступе панического страха стали удирать, драпать – спасаться бегством. Войско, покорившее Вагенштайн, кинулось на утек на восток – обратно в горы.

И вот лютым натиском рыцари налетели на убегающих врагов. Здоровенные кобылы в броне давили мелких уродцев, кого не задавило – предавался мечу. Ни одно цунами не способно так поглотить берег, как кавалерия беспощадно поглощала врагов.

Величайшая победа. Триумф, показывающей всему миру силу, стойкость и прогресс Гервении. В живой силе Кайзерайх потерял не более трех тысяч человек, в то время как зеленокожие безвозмездно потеряли свыше двадцати тысяч воинов убитыми, столько же ранеными. Войско гоблинов наголову было разбито, потеряв почти всех, кто сошел с гор к Вагенштайну.

Эльбрехт гордился. Он не сомневался, что почтил память предков доблестной победой. Он доказал прежде всего себе, что достоин носить фамилию своего рода и называть себя Кайзером Гервении. А его воины во всем поддержат его, что бы ни было.

Однако громкая победа была омрачена страшным трауром. Первыми в Вагенштайн вошли штабисты и Кайзер в сопровождении рыцарей. Все ожидали восторженный прием с цветами и ликованием, как можно всегда прочитать в военных романах. Но на улицах ждало кошмарное разочарование. Беда. Скорбь. И утрата.

Эльбрехт выронил шлем, который держал под рукой. Кайзер чуть было не поседел. Остальные скорбно снимали шляпы. Улицы Вагенштайна были усеяны

холмами из трупов защитников города и всех его жителей. Всех. От детей до стариков. Вот какой оказалась победа: на вкус железа – на вкус крови.

Ужасное зрелище разбило сердце молодого правителя Гервении. Он сдержал слезы и гневно сжал кулаки, что его латные рукавицы помялись. Мыслей в его голове в мгновение было столько, что он просто проклял себя и перестал думать. От боли просто не хотелось даже рассуждать о чем-либо. Копыта лошадей утопали в лужах крови. Все население города беспощадно вырезали. Беда. Страшная беда и траур. Помолчав немного, монарх распорядился: «Пытать пленных всеми способами, пока не выдадут причин своего похода, пока не назовут своего бессердечного лидера! Никакой пощады, никакой гуманности! После допросов всех казнить! Всем голову с плеч!»

Вторая армия громко победила, но результат ощущался больнее любого поражения. Они не выполнили главного – никого не спасли и не защитили. Кайзер приказал второй армии выдвигаться к другому ближайшему крупному городу возле гор. Сам же монарх решил возвратиться в столицу, ведь подобные действия врага давали понять, что правителю державы самое место в такой кризис в столице – на троне, а не во главе армии.

Поспешно отбывая в Грифонвальд с мрачнейшим оттенком в душе, Эльбрехт распорядился сжечь Вагенштайн, дабы упокоить тела невинных жертв и избавить гервенскую землю от ныне проклятого города. Такова цена войны. Таков путь лидера.

***

В это время в Сарахцамской пустыне практически в прямом смысле кипели работы. Пустынная армия Ковена Кассары под названием Гессакша вела раскопки упавшей половины кометы. Десятки тысяч рабов упорно трудились, пытаясь докопаться хоть до чего-то. Однако Гессакша столкнулась с проблемой: метеорит был настолько прочным, что для добывания хотя бы мелкого камушка – размером с ноготок, требовалось около пяти кирок и около трех-четырех рабов. Инструмент ломался; а живая сила умирала.

За трое суток активных работы удалось загрузить лишь четыре телеги мелкими камушками метеорита. Эта космическая порода что-то очень надежно и упорно защищала в себе. Кассаритяне были уверены: внутри великие силы или тайны. Но звездный камень дерзко держал это в себе. Никто не ожидал такого и Гессакша столкнулась с определенными трудностями в силу нехватки ресурсов.

Армией командовала прославленная на весь Аквезар Селеска² – Ассмешия Гуависс. Она была лучшей из всех военачальниц Кассары. Ее армия – Гессакша, уже пять лет проводила успешные кампании в пустынях, граничащих с песчаными владениями ковена. Змеинная армия не знала поражений и легко переносила все тяготы и трудности, ведь была сформирована только из видов змей, обитающих в таких природных зонах.

---

² Селеска – аналогичное звание маршальскому чину в кассарской армии.

Имя Селески было у всех на слуху. Всем расам и народам, живущим в пустынях южного континента, одно упоминание военачальницы вселяло страх и порой покорность. На остальных же континентах Ассмешия настораживала всех, когда появлялась в газетных заголовках.

Ассмешие было сорок пять лет, но ее зрелая змеиная красота была до гипноза завораживающей. Главным ее оружием была харизма. Сам Иэгнос вынужден был признать, что нет в Аквезаре женщины с такой же харизмой, как у Ассмешии. Кожа ее была светло-коричневатой со множеством темно-коричневых полос и пятен; а ее глаза пустынного удава являлись прелестной маской, таящей за собой жестокость и неусмиримую страсть.

– О превеликая Селеска, – с поклоном обратилась заведующая группой ученых девица кобра, – можем ли мы начать кормить рабов?

Главная ученая была самой фанатичной до знаний. Она жаждала знать вообще все, что только мог постичь мозг. Этот фанатизм не имел границ, поэтому для положительного результата Шесерсая – серая, как камень и длинными ушками кобры, готова была на все: жестокость, лизоблюдство, соблазн, унижение – что угодно. Когда Шесерсая прознала, что ее назначили во главе группы ученых, кому предстоит раскрыть тайны кометы, она чуть не умерла от эмоций.

– Вы сочувствуете этим существам?! – надменно упрекнула Селеска, скрестив руки на груди. От этого движения ее черный металлический боевой бюстгальтер зашелестел подвешенными сиреневыми алмазами.

– Ни в коем случае, о превеликая, мне нет никакого дела до отбросов. – Трепетно и заметно подлизываясь, пролепетала ученая. – Просто они мрут быстрее мух на этих работах. Эффективность маленькая. Если просто давать им воды – они скоро кончатся. От сытых больше проку.

– Звучит разумно, – задумалась Ассмешия.

Она окинула взглядом рабов и поняла, что, по сути, треть уже умерла, а результат был фактически нулевой. На пополнение рабской силы можно было рассчитывать, но новых могли прислать не скоро, а начать разбойничать в землях людей-сарахцамцев не входило в планы.

– Надеюсь Вы понимаете, о превеликая, какое значение имеет изучение этого обломка для ковена? – ученая максимально ласково и притворно говорила, своим шипящим голосочком, однако невзначай давала понять: дескать решайте проблему!

– Вы смеете сомневаться в мне или целесообразности предпринятых мной действий? – холодным гневом осудила Селеска.

– Конечно же нет, о превеликая! – Шесерсая пала ниц.

– То-то же! – по-змеиному прорычала Ассмешия.

– О превеликая и прекраснейшая Селеска! – подбежал посыльный мальчик рода рогатой гадюки. Его рожки в висках забавляли.

Посыльный склонился перед военачальницей, как перед богиней и не смел смотреть на нее, ведь был ничтожеством рядом с ней. Обычно все происходило

исключительно по матриаршей и иерархичной бюрократии. Между посыльным и Селеской в цепи было еще восемь должностей. Однако, когда положение считалось катастрофическим, даже самому позорному отбросу мужского пола дозволялось обратиться к командующей.

– Говори. – Повелела Ассмешия.

– Войска нескольких сарахцамских эмиров и шахов при поддержке отряда пустынных эльфов приближаются с запада!

– Прочь! – царственно прошипела командующая и пнула посыльного в голову.

Тот, не прерывая поклона, на четвереньках покорно уполз и посмел разогнуться, когда ушел очень далеко.

– Какие-то проблемы? – припугнулась ученая.

– Ничуть. – Хвастливо изъясилась военачальница. – Просто человечешки решили послушаться воли своего Султана. Вскоре они пополнят ряды наших рабов. – Ассмешия обернулась на собеседницу и коварно ухмыльнулась. – Радуйтесь подаркам судьбы. – А теперь извините, у меня дело. – Селеска величаво направилась раздавать указы.

– Простите, а как быть с имеющимися рабами? – попыталась наконец получить ответ ученая. Она трепетно и крайне притворно обратилась в покорном поклоне.

– Скормите им умерших, но следите, чтобы не больных. – Резво отвесила Ассмешия и ушла.

Вскоре Гессакша зашевелилась. Длинные и крупные отряды лениво – по-змеиному, выдвигались на позиции. Играли флейты и дудочки, которые на деле ничуть не внушали боевитости, скорее, наоборот, расслабляли. Раздалось яростное змеиное шипение десятков тысяч воинов.

Селеска стояла и смотрела в огромную телескопную подзорную трубу. Гервены преуспели с подзоркой, которая умещалась в ладонь. У кассаритян же были длинные – метровые, трубы с десятками линз и множеством регулировок. Ассмешия видела сквозь приближение линз своих жертв и довольно шипела, дребезжа язычком. Одолеть Гессакшу было невозможно; особенно в условиях битвы в песках.

Однако в момент сближения для схватки, когда лучники уже натягивали тетивы, произошло нечто странное. Один из рабов наконец, упорным трудом, отбил небольшой булыжник от метеорита. Порабощенный дворф, будучи прекрасным шахтером, удивился увиденному: по камню, словно жила, проходила полоса ночного звездного неба. Слово кровь вселенной. Едва раб удивился, как жила засветилась. В миг она пробила весь метеор. Миллионы мелких камешков осыпались, роняя копающих рабов. Жилы засеяли. Яркий лавандовый свет захватил все пространство и ослепил всех. Поглощены вспышкой оказались и противостоящие друг другу армии.

Через неделю, когда ни от одного войска не было никаких вестей, Кассара прислала лазутчиков: проверить почему же Гессакша перестала ежедневно докладываться. Прибывшие в нужное место лазутчики ничего и никого не обнаружили. Полмиллиона живых существ – сарахцамцы, эльфы, змеерожденные и их рабы, просто

бесследно исчезли. Огромного метеора не было, как и здоровенной воронки, в которой он лежал.

Лазутчики в полном недоумении стояли на том самом месте, где не так давно кипели копательные работы. Сейчас же невозмутимое солнце и жаркий песок предавали этому месту самую обычную пустынную.